

ДИАНА
МАШКОВА

ДОМ ПОД СНЕГОМ

Живые и захватывающие рассказы Дианы Машковой оставляют долгий и приятный след в самом сердце. Это истории о любви и карьере в жизни современной женщины, это истории о нас самих.

Журнал «Все для женщины»

Диана Машкова

Дом под снегом (сборник)

«ЭКСМО»

2010

Машкова Д. В.

Дом под снегом (сборник) / Д. В. Машкова — «Эксмо», 2010

Что такое мечта? Красивая сказка, запомнившаяся с детства? Сиюминутное желание? Как часто женщина не может разобраться в своих мечтах! Но достичь их пытается каждая. Да не у всех получается. А кто достигает – либо взмывает птицей в небо, либо... в омут головой. Ведь мечта иногда коварна: ее воплощение может быть прямой противоположностью лелеемого идеала. О тонких нюансах женских желаний – повести и рассказы Дианы Машковой.

© Машкова Д. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Дом под снегом	6
Ссылка для верных жен	26
Глава I	26
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Диана Машкова Дом под снегом

Дорогой читатель Литрес,
от всего сердца благодарю
за выбор моей электронки
книжки и надеюсь, что
моя прекрасно проведенная
время вместе!

Желаю добра, счастья,
увлекательных историй
и радости каждый день.

Будьте любимы и любите,
пусть удача не покидает!

С любовью,

Ваша

Диана Машкова

Дом под снегом

Стоило чуть-чуть свернуть с расчищенной трактором дороги, и машина увязала в снегу по самое днище. Вадим поначалу баловался – вихлял из стороны в сторону, чтобы подразнить Алену. Но она пребывала в такой молчаливой задумчивости, что опасных его экспериментов не замечала. Не получавшему ответной реакции Вадиму быстро надоело дурачиться. Он включил погромче радио и начал радостно горланить, подпевая Чистякову: «Человек и кошка плачут у окошка, серый дождик каплет прямо на стекло». Алена, не меняя позы и не выпадая из собственных мыслей, шепотом присоединилась в том месте, где «человеку бедному мозг больной свело». К концу коллективного выступления она уже значительно меньше походила на восковую куклу и отбивала такт ладошкой по колену, широко улыбаясь.

– Ну-у, слава богу! – Вадим выдохнул с явным облегчением. – Тебе уже лучше?

– В целом да! – Алена посмотрела на него ожившими глазами. И объяснила: – Песенка хорошая. Но ты пока не радуйся, – спохватилась она, – я опять могу впасть в депрессию.

– Это еще зачем? – возмутился Вадим.

– Это – не зачем. А потому что! – Алена старалась говорить серьезным учительским тоном, но получалось смешно. – Потому что никак не могу выскользнуть из объятий другой реальности.

– Страсти какие! – театрально ужаснулся Вадим. А потом поинтересовался практично: – Коньяк поможет?

– Может, и да. – Алена задумалась – мысленно примеряла действие коньяка на сегодняшнее ее состояние. – Попробовать, во всяком случае, стоит. Только...

– Да знаю я, знаю. – Вадим безнадежно махнул рукой. – Придется мне за тобой следить. Меньше, чем нужно, – из депрессии ты не вылезешь, больше – напьешься и потеряешь ко мне как к мужчине всякий интерес. Проходили уже. Это ж кошмар просто, какие у тебя тонкие грани.

– Зато у меня их много! – похвасталась Алена.

– И не говори! – отвечивал Вадим. Машина тем временем подъехала к высокой ограде подмосковного дома отдыха. Проскрипела шинами по свежему снегу и остановилась, уткнувшись носом в забор. Вадим достал из портфеля паспорт, вышел, осторожно захлопнув дверь. Алена осталась внутри и снова загрустила. Сражаться один на один с паршивым настроением и паскудными мыслями было практически невозможно. Как же вышло, что она, давно, старательно и успешно защищавшая себя от чувственных бурь и внутренних потрясений, пошла в итоге на поводу у эмоций? Поддалась чужим чувствам и тут же увязла в своих. Так глупо. Так безнадежно. А главное – не было в этом всем ни смысла, ни надежды. Только боль, которая, хочешь не хочешь, передается другим.

Чтобы отвлечься от печальных раздумий, можно было, конечно, пойти сейчас вместе с Вадимом, но у Алены такого желания не возникало. Вообще-то она терпеть не могла глупо торчать около стойки администратора, пока Вадим оформляет номер, заполняет бланки и несколько нервно, от томительного предвкушения, заигрывает с персоналом. А они, скрывающие любопытство дамочки в форменной одежде, тайно гадают, кем же эти двое приходятся друг другу. Мужем и женой? Вряд ли. Любовниками? В таком случае она с ним по любви или за деньги? А может, так – случайная связь на один раз? Алену утомляли эти бесхитростные и всегда одни и те же мысли, мелькавшие в глубине зрачков любопытных администраторш. От них накатывали раздражение и тоска. Так что пусть уж лучше без нее гадают, что за спутницу привез с собой этот презентабельный мужчина. По крайней мере, не имея конкретного образа перед глазами, они могут использовать всю силу небогатого воображения.

Вадим вернулся, сел за руль, въехал в распахнутые для них ворота и поставил машину на гостевую стоянку уже на территории дома отдыха. Алена молчала, снова застыв, как восковая фигура. Хотелось стать невидимой. Лучше – исчезнуть. «Вот всегда ты так! – ругала она себя. – Рвешься-рвешься, даже провоцируешь, а потом – в кусты». Вадим уже доставал из багажника совместно нажитое имущество: пакет с коньяком и кое-какие продукты – все, что могло им понадобиться. Какие там вещи, если вечером уезжать? Алена нехотя, сознавая, что путей к отступлению все равно уже нет, открыла дверцу машины и шагнула в скрипучий снег. Зима вокруг стояла невероятная – совершенно непохожая на ту, что обжилась, по своему обыкновению, в вечно грязной и серой Москве. Белизна заваленных снегом домов, посеребрённых деревьев и девственно-чистых дорожек резала глаза. А в сугробах, тут и там, жили миллиарды крошечных огоньков и разноцветных бликов, которыми зимнее солнце щедро одарило каждую снежинку. Алена зажмурилась и улыбнулась. Подставила солнышку лицо. Теплые февральские лучи осторожно коснулись щек. Ласково. Нежно. Они не навязывались, не жгли, но и не убежали. Вот бы всегда было так!

До отведенного им домика новые гости добирались добрых десять минут. Во-первых, передвигаться по снежным тропинкам Алене с непривычки было тяжело – вязли в снегу высокие каблуки. Во-вторых, территория оказалась огромной, идти было и вправду далеко. И всюду – домики, домики, домики. Все как один похожие на добротные зимние дачи. А вокруг этих «дач» невероятно красивые ели. Алена то и дело останавливалась и, сняв перчатку, сжимала в ладони пушистую, покрытую инеем еловую лапу. Иней на иголках таял и стекал крошечными каплями в снег, а в ладони оставался умопомрачительный, очень тонкий хвойный аромат. Алена вдыхала его полной грудью, закатывала от счастья глаза и делала вид, что собирается для полноты ощущений радостно упасть в сугроб. Вадим смеялся и ловил ее за локоть. А потом тропинка, по которой они пробирались, оказалась на самом краю обрыва. Алена даже ахнула от неожиданности и детского восхищения: внизу была такая сказочная красота, что захватывало дух. Заснеженный лес. Маленькая деревенька. Дымок из трубы. Крошечный, ладный мир, словно сотканный не из реальности, а из чьих-то невинных грез.

– А как ты думаешь, – Алена присела на корточки на краю обрыва и показала рукой на крайний к лесу дом. Снег лежал на его крыше огромной мохнатой шапкой, а из трубы вился аккуратной струйкой дым, – там что-то готовят или для тепла просто печку затопили?

– И готовят, – Вадим улыбнулся. Временами Алена вызывала в нем невероятно острые в своей нежности отеческие чувства. – И для тепла.

– А готовят что? – не унималась Алена.

– Известно что, – Вадим хитро прищурился и потрепал ее по макушке, – обед. Знаешь, берут горшочек такой глиняный, туда – картошку в мундире, воды немного, соли, маслица топленого и – ухватом в печь. А потом – с селедочкой на стол. Пе-е-сня!

– Ой, – Алена обернулась на своего элегантного спутника, – а я и не думала, что ты в ухватах и горшках что-то смыслишь.

– А то! – подмигнул Вадим и подал даме руку. – Пойдем, а? Мне уже не терпится до тебя добраться, – тише добавил он.

– Не торопи! – бросила Алена через плечо. Чего ей сейчас панически не хотелось, так это уединяться с ним в номере. – Посмотри лучше, как красиво. Когда еще выберешься из этой жуткой Москвы на волю? Слушай, – она перешла на шепот, – а зачем здесь столько домиков понастроили? Они что, все востребованы? Это сколько ж народу имеется!

– Вот филолог! – рассмеялся Вадим. – Ты что сказать-то хотела?

– И то, и другое! – гордо ответила Алена и встала, опираясь на его руку.

Они нашли свой дом, с номером тринадцать на обшитом сайдингом боку, поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Вадим открыл дверь выданным ему ключом и осмотрелся.

– Вроде ничего. – Он с облегчением вздохнул. – Я боялся, что будет что-то из советских времен. Из разряда «уборная в коридоре». Тебе-то как?

– Мне нравится. – Алена, извлеченная между делом из шубы, чувствовала себя неудобно. Всегда поначалу одно и то же – страх, нерешительность, стыд. Хотелось свернуться в клубок, стать незаметнее, меньше. А лучше – превратиться в ежика, чтоб уж точно никто и близко не подошел. Она опустила на табурет у стола, поджав под себя ноги. – Может, выпьем?

– Как скажешь. – Вадим вынул из пакета бутылку.

Спорить с ней или торопить события было бесполезно. Он уже знал, что Алена должна сначала «оттаять», повернуть в своей головке одной ей известный рычаг. Черт его знает, что мешает этой давно уже выросшей девочке стать нормальной женщиной, чьи желания и чувства можно хоть как-то угадать или предвидеть. То она смотрит на него так, что, кажется, готова отдаться прямо здесь и сейчас, то отталкивает и избегает, то звонит по пять раз на дню, то пропадает на неделю, то превозносит до небес, то унижает так, что хочется моментально бросить все и уйти. А его задача, при том что нужно немыслимым образом лавировать между этими перепадами и ухитриться сохранить равновесие, – помогать, утешать, оберегать, направлять в нужное русло. Вообще, иногда Вадиму казалось, что он ни на кого никогда не затрачивал столько терпения и сил. С Аленой приходилось быть и психоаналитиком, и прорицателем, и философом одновременно. А если дело сдвинется с мертвой точки – неутомимым «мачо», не знающим ни лени, ни покоя. Тихий ужас. Но Вадиму и в голову не приходило жаловаться на превратности судьбы, затянувшей его в свои хитросплетенные сети. И хотя он изнемогал под грузом этих бесконечных и непредсказуемых перемен в женщине с детским именем Алена и восклицал то и дело: «Откуда ты взялась такая на мою голову?!», не сдавался и не в силах был отказаться от нее.

– За гармонию? – спросил он, поднимая стакан с жидкостью глубоко-янтарного цвета и старательно демонстрируя мнимое спокойствие.

– За гармонию! – Алена смущенно улыбнулась. – Ты же знаешь, какие у меня с этой капризной дамой проблемы.

Они соприкоснулись стаканами. Звук показался Алене печальным и глухим. Она вздрогнула. Медленно поднесла стакан к губам и стала пить крошечными глотками, прислушиваясь к ощущениям внутри себя. Не сразу, постепенно становилось теплее. Уверенней. С каждой каплей все прочнее обосновывался в душе долгожданный покой. Алена, не отрываясь, смотрела в голубые глаза Вадима – в глубь сияющих зрачков. Синего цвета галстук загадочным образом усиливал эффект. Алена подумала, что получается очень красиво. Потом она мысленно перенеслась в события двухмесячной давности: вспомнила, что глаза его могут быть другими. Тогда на нее смотрели серые глаза – больные, пугающие, пронизанные злостью. Она отказалась, причем в последнюю минуту, лететь в командировку, которую Вадим специально подстроил и ждал как манны небесной. Алена бормотала что-то насчет здоровья. Несла какую-то чушь. На самом деле просто смертельно испугалась оставаться с ним наедине. И в ту же секунду поняла, что тысячу лет уже не видела такого взгляда. Тысячу лет никто не желал уничтожить ее только потому, что находиться рядом и не иметь возможности прикоснуться к ней стало невозможно. Вадим, едва удержавшись от того, чтобы не задушить ее на глазах всего аэропорта, прямо у стойки регистрации, улетел один. А Алена побежала к знакомому врачу за больничным листом – срыв поездки грозил серьезной взбучкой от руководства. Из-за этого безумного взгляда, после трех лет относительно мирного служебного сосуществования, перемежаемого настойчивыми попытками Вадима добиться взаимности, Алена сдалась. Пала, к собственной болезненной радости и восторженному облечению, как бессмысленно уставшая крепость.

Память серого, темного от ярости взгляда теперь расплзлась внутри ее сладострастным теплом. Алена медленно, но упорно забывала, кто она есть. Отказывалась от своего повседнев-

ного, измученного, уставшего «я». Она физически ощущала пришедшую к ней свободу – свободу от масок, игр, житейских спектаклей, до смерти надоевших ролей. Приходило состояние, когда стоишь на грани двух реальностей. И главное здесь не ошибиться, не сбиться и сделать единственно верный шаг: не прямо, иначе можно до бесконечности топтаться на границе, не назад – туда, откуда ты силишься сбежать, а только вперед. Один маленький шаг в драгоценный, долгожданный, чувственный, но всегда ускользающий мир. Он бежит от тебя потому, что ты его боишься. Но когда ты оставишь свой вымученный страх, этот мир поддастся – и можно будет сколько угодно таять в безумствах любви, собственной безудержной страсти и счастли-вом забвении.

Алена все еще смотрела на Вадима, но теперь глаза ее блестели, а ресницы вздрагивали от возбуждения. Он совершенно четко прочувствовал произошедшие в ней перемены. Поднялся с табурета, взял Алену на руки и отнес на кровать. Она, не говоря ни слова, выскользнула из его объятий, медленно сползла на пол и встала перед ним на колени.

– Подожди, так нельзя. – Вадим попытался ее приподнять. – Я не могу, когда женщина стоит на коленях.

– Придется терпеть, – Алена говорила глубоким, не похожим на свой обычный, голосом. Вадим сделал еще одну смущенную попытку поднять ее с колен, но она взглянула так сурово, что руки его опустились...

Полчаса спустя они лежали, тесно прижавшись друг к другу. Счастливые и изможденные. Алена чувствовала во всем теле такую легкость и беззаботность, что не узнавала сама себя. Казалось, вся радость вселенной поселилась в этой чудесной комнате с обитыми рейкой стенами и высоким потолком. Хотелось превратиться в озорного солнечного зайку – творить, что угодно, скакать, где вздумается, и чтобы никто тебя не поймал.

– А тебе кто-нибудь говорил, что он, – она скользнула рукой вниз по неожиданно нежной на ощупь коже Вадима, – у тебя безумно красивый?

– Н-н-нет, – Вадим немного растерялся и даже покраснел. И когда только она успела стать такой ласково-бессовестной девчонкой? – В чем это выражается?

– Выражается?! – Алена весело рассмеялась. – А в чем должна выражаться красота? Нет, этого я не знаю. – Теперь она говорила глубоким, страстным шепотом. Голос чуть-чуть дрожал. – Я только знаю, как это действует.

– Ну и как? – не сдержал праведного любопытства Вадим. Хотя и боялся, что она сейчас ляпнет что-нибудь такое, от чего даже у бывшего бойца постельного фронта волосы встанут дыбом.

– Если он красивый, то, когда видишь его, сразу возбуждаешься! Вот!

Вадим с облегчением вздохнул. Получилось совсем не похабно, даже как-то наоборот.

– И много ты видела красивых? – Вадим пошевелился, сдвигая ее руку и стараясь изобразить на лице оскорбление и мучительную ревность. Алена в ответ усмехнулась и вернула на место ладонь.

– Нет, – ответила она с готовностью. – Только у тебя!

– Господи, как же ты иногда умеешь изъясняться, – Вадим несколько смущенно рассмеялся. – Можно умереть! – Он с радостью пил ее новое, беззаботное и озорное настроение. И с досадой удивлялся, почему всегда не может быть так.

– Не надо умирать! – Алена ластилась к нему, как кошка. – Ты лучше живи. Мне это очень нужно!

– Что именно «это» тебе нужно? – Вадим крепче прижал ее к себе. – Мне иногда кажется, что я нужен тебе в одном, ну максимум в двух каких-то, смыслах.

– Дурак! – беззлобно ответила она. – А еще такой большой, взрослый мужчина.

После этого они больше не говорили. Но если бы за стенкой были соседи, им вряд ли удалось бы спокойно, не отвлекаясь на посторонние звуки, слушать радио или смотреть теле-

визор. Алена ни за что не желала сдерживать себя. И даже то, что Вадим закрывал ей своей ладонью рот, помогало ничтожно мало.

Она проснулась первой и с блаженным удивлением открыла глаза. Сколько себя помнила, никогда не могла уснуть, если ее хоть как-то касались. Не важно – намеренно или случайно. Непременным условием было отвернуться, замотаться с ног до головы в одеяло, подсунуть руку под подушку и представить себе, что в кровати ты одна. А тут – она лежала на плече Вадима, крепко обнимая его руками и ногами, как обезьянка, да еще и нежно прижималась к нему во сне. Алена осторожно, чтобы не потревожить Вадима, повернула голову в сторону настенных часов: испугалась, что они проспали так до позднего вечера. Электронные цифры зеленого цвета показывали 15: 15. Симметрично. Значит, к счастью. Алена улыбнулась – прошло не больше двух часов с того момента, как они приехали сюда. Время, повинаясь сказочной атмосфере, царящей в этой комнате, снисходительно замедлило свой обычно неумолимый бег. Получается, что и спала-то она всего минут двадцать. Странно. Душа и тело ощущали себя легкими и наполненными силой.

– Сколько там? – не открывая глаз, спросил Вадим.

– У нас еще три часа, – ответила Алена.

– Ты не знаешь, зачем мы уснули? – сонно потянулся он.

– Нет. Но мне невыразимо хорошо!

– А я бы еще пару часов поспал.

– Спи, – разрешила Алена и снова поползла куда-то вниз.

– Подожди! – Вадим попытался ее удержать. – Имей сострадание. Я же уже старенький!

– Не похоже, – весело сообщила Алена. – А ты спи. Я же не мешаю. Просто мне, – она снова легла с ним рядом и зашептала на ухо, – всю жизнь страшно хотелось... Ну, в общем, представляешь, ты спишь, а он у меня во рту. Маленький такой. Податливый. Ну, как сейчас.

– О боже! – Вадим с ужасом выдохнул.

– Пожа-а-алуйста, – заканючила она. Вадим больше не сопротивлялся. Целых десять минут он старательно делал вид, что спит. А потом настала его очередь нарушать своими возгласами тишину. Алена не пыталась его утихомирить – только радостно улыбалась, насколько при ее занятии это было возможно.

Было пять, когда она, наконец, нашла в себе силы оторваться от Вадима и отправиться в душ. Долго плескалась, подставляя горячим струям лицо. Тело ликовало, ощущая себя молодым, упругим и сильным. Это было отчасти утраченное чувство, и тем ценнее оно казалось. Алена думала о том, что больше всего на свете сейчас ей не хочется расставаться с Вадимом. Хочется остаться здесь до утра, потом вместе поехать на работу, потом вдвоем вырваться на обед, а вечером от всех сбежать и снова провести вместе ночь. И все-все ночи в жизни, которые им еще предстоят. Исчезнуть, поселиться в каком-нибудь тихом, неприметном уголке. Да хотя бы в том самом, крайнем к лесу домике, заваленном снегом. Варить в печке картошку в мундире, разговаривать, смеяться, трогательно ухаживать друг за другом, писать давно заброшенные стихи и любить. Так любить, чтобы не думать ни о чем, ничего больше не желать, ни о чем не жалеть. Она сумеет – Алена знала это твердо, – слишком много соединено сейчас в душе: и гордость, и радость, и уверенность, и уважение, и желание, и любовь. «А вот это, – осадилась она себя и выключила душ, – не для его ушей. – Подумала и добавила вслух, стараясь привести себя в чувство: – Ни для чьих». Они сидели за крошечным столом – Алена все так же, поджав под себя ноги, только теперь ей было радостно и хорошо – и пили коньяк. Говорили. О них. Ни о чем. Поддевали друг друга. Смеялись. Алена упорно отгоняла идиотский вопрос, навязчиво крутившийся в голове, и думала о том, до чего же глупой становится женщина, когда позволяет себе ею быть. Все. Хорошего понемногу. Нужно собраться, покончить с сантиментами, развеять иллюзии и вернуться к тому, что есть.

– Женись на мне, а? – Она и сама испугалась прозвучавшей фразы – так неожиданно и некстати вырвалось-таки. Алена съежилась, желая укрыться от собственной глупости и стыда, и стала осторожно наблюдать за Вадимом. Он не поменялся в лице, глаза его не забежали, как это могло бы быть в сложившихся, банальных, до дыр всеми затертых, обстоятельствах. Уже одно это показалось Алене бальзамом на пораненную собственной же неосторожностью душу.

– Когда? – Вадим, хитро прищурившись, смотрел на Алену.

– Ну... – Она уже готова была пойти на поводу у случая и обратить все это в шутку: все лучше, чем скатиться до унижительного отказа. – Когда дети вырастут, – с деланой веселостью ответила она.

– Хорошо. Договорились. – «Вот бы он на этом и остановился», – только успела подумать Алена. – Но я же не потяну тебя. Меня и на два года такими вот темпами не хватит.

Алена прикрыла глаза, чтобы не выдать обиду. Понятно, что она сама во всем виновата – не надо было лезть. Понятно, что вопрос риторический. И все же. От него и требовалось-то всего, что смолчать в финале. Просто ничего больше не говорить, оставить ей в подарок частичку неразрушенных иллюзий, лишь каплю призрачной и несбыточной мечты. А отказ всегда останется отказом, что бы там кто ни выдумывал в оправдание своих отвратительных «нет». Настроение испортилось. Алена сидела, насупившись, размышляя на набившую уже оскомину тему: всю жизнь она не могла понять одного – зачем добиваться, стремиться, затрачивать силы, страдать и в итоге связывать жизнь с человеком, если не желаешь владеть им в полной мере. Безраздельно. Целиком. Нечестно все это. Не по-людски.

– Да ладно, – через силу ответила она, – ты у нас крепкий орешек. Еще повоюешь.

В Москву они возвращались молча. Вадим не беспокоился – приписывал безмолвие Алены умиротворению и усталости. Снова играло радио. По странному стечению обстоятельств пели опять про «человека с кошкой». Песенка закончилась как раз в тот момент, когда Вадим притормозил около Аениного дома.

– Спасибо, доктор, – вырвалось у нее само собой. Музыка, что называется, наваяла. Потом она испугалась, что Вадим может обидеться на плоскость формулировки, и попыталась смягчить: – Лечение прошло весьма и весьма успешно. Депрессия отступила. Надеюсь, теперь надолго.

– Пожалуйста! – весело ответил Вадим. – Обращайтесь еще!

– Да уж непременно, – без особого энтузиазма сказала Алена. Привычная вселенская тоска возвращалась, чтобы занять законное место в замученной и уставшей от этой чертовой жизни душе.

Вадим притянул Алену к себе, крепко обнял.

– И тебе спасибо! – прошептал он, вдыхая запах ее волос. – Родной ты мой человек!

Алена до боли в веках зажмурила глаза, а потом быстро вышла из машины и направилась к двери своего подъезда. Она очень старалась с первого раза правильно набрать код домофона. Не хотела, чтобы Вадим, который ждал, пока она войдет, понял, как дрожат ее, ставшие вдруг непослушными, пальцы.

* * *

Дома было тихо. Сын сидел в кровати – болел, – няня ему что-то читала. Алена рассчиталась с няней, проводила ее до двери. Договорились о том, что завтра приходиться не нужно – только в понедельник. Алена, мучимая теперь угрызениями совести, решила остаться дома с больным ребенком. Сами в слова свои не веря, женщины пожелали друг другу «хороших выходных». Алена закрыла дверь.

Артем выглядел не очень: глаза больные, температура, видимо, снова поднялась. Алена присела рядом с ним на кровати.

– Хочешь, покачаю на ручках? – спросила она.

– Не надо, – отказался Артем. В семь лет он чувствовал себя окончательно и бесповоротно взрослым. – Так посиди.

– Хорошо, – согласилась Алена. – Давай тогда температуру померяем. А я тебе пока книжку прочитаю. Вы с Татьяной Семеновной где остановились?

Артем взял из маминых рук градусник, засунул себе под мышку. Вышло криво. Алена попыталась поправить, но он не дал. Читали про барона Мюнхгаузена. Главу о взбесившейся шубе, которая разорвала в клочья наряды барона, и потому хозяину пришлось застрелить ее из пистолета. Тема не смеялся, слушая эту историю. Наоборот, сидел и хмурил брови. Потом спросил:

– А нельзя было просто укол от бешенства в живот ей сделать? Почему сразу стрелять?

– Ну, – Алена всерьез задумалась над поставленным вопросом, – точно не знаю. Но, полагаю, во времена барона лекарства от бешенства еще не изобрели.

– А-а, – поверил Артем, – но можно же было попробовать ее усмирить. На цепь там посадить для начала или в клетку.

– Не знаю, – Алене стало не по себе от их разговора. Думала она не о шубе. – А ты полагаешь, на цепи или в клетке лучше?

– Думаю – да. Если б я был бароном, я бы попробовал сначала так.

– Ясно. А я бы – отпустила ее в лес, – вздохнула Алена. – Пусть себе жила бы на воле. В доме под снегом.

– Хитренькая, – сощурился Артем. – А барон ходи без шубы, да? Холодно вообще-то. К тому же она ему по праву принадлежит.

Алена вздрогнула. Слишком недвусмысленный оборот принимал для нее этот странный разговор.

– По какому праву?

– По праву собственности, – сказал Тема таким тоном, что Алене стало стыдно за собственную глупость и неуместный вопрос.

– А-а. Но она же стала живая! – возразила Алена. – Разве живое существо может быть собственностью?

– Не знаю. – Артем обиделся на то, что мама не соглашается с ним. – Она не живая стала, а бешеная просто. Понятно?

– Понятно, – устало согласилась Алена. – Она стала бешеная.

Настроение окончательно упало. Депрессивное состояние прочно обосновалось внутри.

У Артема было тридцать девять. Алена испуганно отложила градусник – как же она боялась и ненавидела его болезни! Стало не по себе оттого, что поехала сегодня с Вадимом, хотя с утра уже знала, что Тема заболел. В сознание ржавым гвоздем вонзилась мерзкая фраза: «Дети расплачиваются за грехи своих родителей». Эти слова не покидали ее распухшую от мыслей голову до самого утра. Она была уверена, что, проведи она день как положено, сыну не стало бы хуже. Ночью Артем начал кашлять. Этого Алена боялась больше всего, наученная горьким опытом перенесенной им в двухлетнем возрасте пневмонии. Тогда она тоже, несмотря на замужество, беспощадно влюбилась и при любом удобном случае сбегала на свидание, оставляя Тему на бабушек. Результатом такой безответственности, она это знала точно, и стало воспаление легких сына плюс три недели в ужасной больнице. В качестве искупления греха. Вот так. Дети расплачиваются за грехи своих родителей. За их омерзительную похоть и грязное сладострастие.

Всю ночь Алена то и дело вскакивала с постели и бегала в детскую комнату поправлять на беспокойном Теме одеяло. Сон приходил к ней короткими обрывками, рваными кусками. Едва задремав, она моментально просыпалась. Часа в два ночи еще раз померила сонному, заходящемуся в кашле сыну температуру. Несмотря на выпитое перед сном лекарство, снова

было тридцать девять. Алена уже окончательно убедилась в том, что в болезни Темы виновата она одна. И тихонько всхлипывала от ненависти к себе и от страха за сына. Ей удалось уговорить полуспящего ребенка ввести жаропонижающую свечку. Тема чудом согласился. Через сорок минут температура упала, Артем заснул.

Выходные проходили как обычно, в пытках семьей. Только на этот раз все было гораздо хуже, потому что Тема болел. Муж вернулся из командировки в субботу утром, а к вечеру Артему стало легче. Он моментально вылез из кровати и начал разгуливать по всей квартире, перемещаясь от телевизора к компьютеру и наоборот. Алена уговаривала его побыть еще в постели, убеждала, обещала, просила, ругала. Бесполезно. Стоило ей отлучиться от ребенка по какому-нибудь делу хоть на секунду – да просто тарелку на кухню унести, – как Тема тут же пулей выскакивал из кровати и неся в гостиную на диван. Хватал пульт и включал очередной беспросветно тупой мультфильм. Алена злилась. Бесилась. Даже кричала. Потом ругала себя за это. Ласково брала извивающегося как угорь и рыдающего ребенка на руки и уносила его в детскую комнату, на кровать. Муж в баталиях участия не принимал. Ходил туда-сюда по квартире и занимался какими-то, одному ему понятными делами.

Когда в воскресенье вечером выяснилось, что есть в доме нечего, так как еженедельная поездка в супермаркет не состоялась, сухое белье грудой ожидает своей участи на диване, а во всех комнатах царит организованный Артемом в моменты многочисленных вылазок беспорядок, в семье случился очередной, такой привычный и такой тошнотворный скандал. Прооравшись, Алена сунула мужу в руки ключи от машины и отправила его за продуктами. И потом, уже в девятом часу, начала готовить на завтра обед, усадив супруга играть с сыном в морской бой. Через минуту из детской послышались Темин плач и нервные крики мужа. Алена врзала со всей силы в стену мокрым, грязным от картофельных очисток кулаком и пошла разнимать. Костяшки на пальцах вспухли и посинели.

Когда именно у них в семье все разладилось и пошло наперекосяк, Алена не знала. Перемены происходили постепенно, годами и как будто сами по себе. Сначала, сразу после рождения Темы, супруги перестали обсуждать между собой что-либо, кроме бытовых вопросов и проблем, потом оба одновременно потеряли интерес к совместной сексуальной жизни, затем Алена пошла вверх по карьерной лестнице, а супруг остался топтаться на месте. Вдвоем им не было ни радостно, ни мучительно, ни скучно, ни интересно, ни плохо, ни хорошо. Им было никак. И расставаться бессмысленно, тем более что сын в семье растет, и жить вместе тоже никакого резона.

Старательно отсроченное, но все же случившееся появление Вадима в жизни Алены послужило катализатором, который не только с готовностью демонстрировал истинное положение вещей, но и усугублял весь возможный негатив. Она вдруг, сама того не сознавая, стала каждую минуту сравнивать мужа с Вадимом. «Он бы такую чушь никогда не сказал». «Он бы не стал доводить больного ребенка до слез». «Он бы дал правильный совет». «Он бы понял, что я имею в виду». Все эти мысленные «бы» приводили к незаслуженным упрекам и ответному бешенству со стороны супруга. Он уже начал догадываться об истинной причине происходящих в ней, как правило, ко всему безразличной, перемен. Назревал разрыв.

– Я готов простить тебе измену. – Муж смотрел в потолок. Менять кардинальным образом привычную, вполне устраивавшую его жизнь он не торопился. Но и терпеть унижение от собственной жены не желал. – Если ты прекратишь все это раз и навсегда, образумишься и родишь мне второго ребенка.

Они лежали в темноте, каждый на своей стороне кровати.

– Зачем? – только и спросила она. Съежилась, ожидая реакции на свою беспрецедентную наглость.

Реакция не заставила себя долго ждать. Муж схватил ее, сдавив шею мощной, похожей на тело удава рукой. Алена начала задыхаться. Одновременно ей стало невыносимо смешно, будто

кто-то специально щекотал все тело изнутри. Сдержаться она не смогла и захохотала, вызвав прилив новой ярости и попав в еще более жесткие тиски. Смех превратился в булькающий, сдавленный хрип. Инстинктивно она впиалась побелевшими пальцами в его руку, пытаясь ее оттащить. Хватка ослабла.

– Хочешь убить? – просипела она, изо всех сил стараясь снова не рассмеяться. Откуда взялся этот идиотский рефлекс? Стоило мужу поднять на нее руку, как смех разбирал все существо изнутри. И тело начинало неврастенически чесаться. Особенно руки. – Правильно, в этом случае все достанется тебе!

– Брось его! – Супруг все еще сжимал Алену. Одновременно он грубо шарил свободной рукой под одеялом, стараясь стащить с нее трусы. Алена извивалась, вырываясь изо всех сил.

– Кого?

– Какая хрен разница – кого? – Муж в попытках своих преуспел. – Тебе лучше знать!

На туалетном столике зазвонил мобильный телефон. От неожиданности муж вздрогнул и выпустил свою жертву. Алена схватила аппарат.

– Не отвечай! – запоздало рявкнул супруг.

– Не могу, – Алена уже раскрывала телефон, – генеральный звонит.

Шефу приспичило дать начальнику протокольного отдела на сон грядущий ценные указания по организации пресс-конференции завтра, в Mariott. Алена отвечала односложно: «да, уже сделали», «я заказала», «разумеется, это уладили», «не переживайте, все на контроле», «спокойной ночи».

– Козел! – Муж переключился на генерального директора. – Какое он имеет право?!

– Не шуми. – Алена мысленно воздавала хвалу спасительному звонку чуткого шефа. – Работа у меня такая.

– Да пошла ты со своей работой! – Он вскочил с кровати и ушел на кухню – судя по хлопающим звукам открываемых и закрываемых шкафов – искать пустырьник. Было слышно, как из графина в стакан наливается вода. Как он считает капли, одновременно сквозь зубы матерясь.

– Ну, хочешь, я уйду? – спросила Алена, как только он вернулся в кровать. Лучше бы она молчала. Муж, ни слова не говоря, схватился за сердце и начал стонать. Скорчился на кровати, словно гигантский зародыш в утробной позе.

Алена хотела вызвать «Скорую», схватила телефон. Аппарат вылетел у нее из рук, выбитый то ли случайным, то ли точно рассчитанным ударом.

– Корвалол, – хрипел он. – Принеси корвалол.

На работу в понедельник утром Алена убегала с такой поспешностью и радостью, что ей было даже стыдно перед сыном. Она поцеловала его три раза вместо традиционного одного и в миллионный раз мысленно попросила прощения за то, что он расплачивается болезнью за ее грехи. Перед уходом велела няне позвонить в поликлинику, еще раз вызвать врача – кашель не проходил.

Пресс-конференция была назначена на двенадцать, значит, в отеле нужно быть не позже десяти. Все проверить, всех проинструктировать, в авральном порядке исправить допущенные недочеты. Как всегда, проблем хватало. Обслуживающая компания запаздывала с фуршетом, раньше времени прибыли какие-то журналисты, на охране потеряли список приглашенных, не успели расставить указатели, забыли вывесить над входом в конференц-зал растяжку с названием компании. Алена закрутилась так, что забыла обо всем на свете. Зато к приезду шефа, который имел благую привычку куда бы то ни было опаздывать на полчаса, все было готово. Он с порога отыскал глазами Алену, которая активно умирала личным вниманием и напитками разбушевавшихся журналистов, и ободряюще кивнул. Конференция прошла идеально. Шеф остался доволен и собой, и своими заместителями, которые сидели от него по обе стороны. Вадим неизменно справа. Алена знала, что он будет отвлекаться по ходу конференции, посто-

янно поглядывая на нее и проверяя реакцию на свои слова, поэтому демонстративно вышла из зала, как только мероприятие официально объявили открытым.

По окончании пресс-конференции журналистов под предводительством PR-директора и присмотром младших сотрудников отдела протокола оставили налаживать неформальные связи и доедать фуршет, а сами отправились в офис. Благо до него было рукой подать – две минуты пешком, что счастливо избавляло от тошнотворного стояния в километровых московских пробках. С Вадимом Алена не говорила – он был целиком и полностью поглощен беседой с генеральным. На этаже пожали друг другу руки, шеф сказал Алене «спасибо», и все разошлись по своим кабинетам и отделам.

После формального появления на работе в четверг с утра на пару часов, пропущенной пятницы и двух выходных дел образовалось столько, что Алена едва успевала разгребать. Бесконечные сообщения в электронной почте. Письма с предложениями организовать, принять участие, посетить. Служебные записки подчиненных – выделить это, разрешить то, способствовать тому. Заявление на отпуск. Заявление с просьбой освободить от работы на ПК с приложением справки о беременности. Ничего себе! Алена усмехнулась. За последний год в ее небольшом отделе – всего пятнадцать человек – это был уже третий ребенок. Первый родился, второй – на подходе, и вот вам еще один. Хорошо живем! Одна беда – опять нового человека придется искать на эту невероятно муторную должность: отслеживать праздники, дни рождения, юбилеи клиентов и партнеров, организовывать поздравления. Кому – просто открытку по почте, кому – адрес и ценный подарок. Вся информация в компьютере – без базы данных и Интернета в этом деле никуда. И непонятно, на какой фронт работ теперь переводить беременную Столярову? Черт! Алена сама бы уже, глядя на них, с удовольствием забеременела и родила чудесную маленькую девочку, вместо того чтобы постоянно разрешать бесконечные проблемы. И любила бы она свою малышку до потери памяти. Качала бы на руках, целовала, ласкала. Это вам не мальчик, который, только-только осознав свою половую принадлежность, наотрез отказывается от «телячьих нежностей».

Алена прикрыла глаза и размечталась. Перед внутренним взором витали разноцветные, практически рекламные сюжеты и картинки – она, Артем, маленькая дочка и... Вадим. Алена вздрогнула и открыла глаза. Волевым усилием постаралась представить мужа вместо Вадима и не смогла. Даже сам акт зачатия представить не могла – это было что-то из области неочевидного, невероятного, нелепого, невозможного. Алена глубоко, с надрывом вздохнула. Картина рассеиваться не желала. Тогда она сосредоточилась и намеренно расширила круг действующих лиц, логично дополнив его сыновьями Вадима. Младший чуть старше Темы – она однажды видела его мельком, старший – шестнадцатилетний молодой человек. Как ни старалась Алена вообразить его себе, у нее ничего не выходило. Фантазии не хватало. Даже на осознание того факта, что у Вадима такой взрослый сын. Зато из ниоткуда живо возник вдруг образ его жены. Молодой еще, стройной, красивой женщины с невыносимой печалью в карих глазах. Хотя почему, черт возьми, карих? Алена же ни разу в жизни не видела ее. Она закрыла лицо ладонями и отчаянно закрутила головой, отгоняя непрошеные мысли. Потом с нечеловеческим упорством принялась за работу.

На следующей неделе нужно было организовать празднование только что изобретенного профессионального праздника – Дня риелтора Санкт-Петербурга. Официально в правительстве день такой никто не признавал, но выделиться забытому государством цеху риелторов хотелось невероятно. А поскольку у компании, где работала Алена, в Питере был серьезный, крупнейший на рынке, филиал, то шефу и пришла в голову гениальная идея: показать Ассоциации риелторов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, в которой их фирму недолюбливали в силу московской прописки и менталитета, кузькину мать. Предполагалась в пику «официальным мероприятиям» санкт-петербуржцев устроить альтернативную вечеринку – созвать клиентов, партнеров, привлечь прессу и пригласить VIP-гостей. А в связи с тем, что идея воз-

никла, что называется, только что, о чем начальнику отдела протокола радостно сообщила личная секретарша шефа, Алена не имела еще ни малейшего понятия ни о том, где и как это все проводить, ни о том, сколько будет потрачено средств. Тем не менее согласовать затраты и принять решение нужно было не позже, чем сегодня вечером. Иначе уже ни зал заказать не успеешь, ни людей пригласить, ни деньги у финансистов зарезервировать. Алена открыла новый документ, обозвала его «План Дня риелторов Санкт-Петербурга», плюнула в сердцах, поражаясь идиотизму невменяемых человеческих амбиций, и начала ваять возможные варианты проведения торжества, периодически отвлекаясь, чтобы позвонить: проверить, выяснить, уточнить. К вечеру были подготовлены три схемы с предварительным подсчетом приблизительных затрат, и Алена отправилась в приемную – осаждать неприступную крепость генерального директора в целях сегодня же получить ответ.

Она совсем уже ошалела от тоски и двухчасового ожидания в недрах громадного кожаного кресла приемной, когда пропищал мобильный телефон. Вадим интересовался, готова ли она ехать домой. Алена бросила ему в ответ только одно короткое слово «нет». Вадим моментально перезвонил.

– Поехали, а? – говорил он торопливо, словно боялся, что Алена его перебьет. – Я здесь больше не могу уже находиться, смертельно устал. Да и посмотреть на тебя хочу.

– Мы сегодня виделись – забыл? – Алена говорила жестко. Почему-то хотелось сделать ему больно: от этого на секунду становилось легче. Знала ведь, что значит на их языке «посмотреть», и все равно задала свой вопрос.

– Я не об этом. – Вадим сник.

– Знаю, – Алена отвечала так же жестко, даже сурово. – Езжай один. Я не могу.

– Но время-то уже половина девятого! – не сдавался Вадим. – Тебя Тема ждет.

– Не надо про Артема! – Алена разозлилась. Когда ему нужно с ней спать, про Артема он не вспоминает, хотя не может не знать, что именно дети расплачиваются за родительские грехи. – Я не поеду! Мне шефа обязательно дожидаться нужно.

– Ладно. – Вадим, наконец, понял, что продолжать спорить с ней бесполезно. – Тогда увидимся завтра.

– Посмотрим.

– Господи, откуда ты только взялась на мою голову?! – не выдержал он.

– Взаимно, – буркнула в ответ Алена и тут же отключилась.

Генеральный вышел из кабинета в пятнадцать минут десятого. И подозрительно покоился на Алену, которая тут же поняла, что про нее он напрочь забыл и собрался ехать домой.

– Света, – рявкнул он, обращаясь к своей секретарше, – ты почему меня не предупредила, что Алена Владимировна ждет в приемной?

– Извините, – просто сказала Света, которая прекрасно знала характер руководителя и предпочитала не связываться. А главное – не обижаться. О том, что пришла Алена, она доложила ему почти три часа назад. И напоминала еще потом раза три.

– Ничего страшного, – бросила Алена, подмигивая Свете. Уж она-то прекрасно слышала, как помощница неоднократно говорила о ней шефу по телефону. – Но у меня срочно.

– Я сегодня уже не могу, – развел он руками. – Нужно ехать. – И добавил, снова повернувшись к Светке: – Вызови из гаража машину.

Алене ехать, само собой, никуда было не нужно. И три часа, потерянные в приемной, значения в ее жизни не имели.

– Мне достаточно двух минут. Просто провожу вас до первого этажа.

– Ладно, давай, – шеф согласился нехотя, просто понимая, что от Алены, если она уж что-то в голову себе вобьет, отделаться невозможно.

Пока ждали лифт, Алена скороговоркой изложила суть и стоимость всех вариантов, сунув для наглядности шефу план под нос.

– А в «России» что, нельзя? – недовольно поинтересовался он.

– К сожалению. – Алена предпочитала не использовать в разговоре с генеральным слово «нет». – Там как раз проводит свою вечеринку Ассоциация.

– Вот козлы! – возмутился шеф. Алена про себя улыбнулась его впечатлительности, а вслух поддакнула:

– В том-то и дело! Хотя вот этот зал, – она ткнула своим «Паркером» в третий вариант, – ничем не хуже. Даже наоборот. Поменьше, конечно, но нам за неделю все равно такое количество народу не собрать. Зачем оставлять пустые места?

– Ладно, – шеф сосредоточенно кивнул головой. – Значит, этот. Там на сколько человек рассчитано, говоришь?

– На триста пятьдесят.

Приехал лифт. Двери с железным шелестом открылись. Хорошо еще, внутри было пусто.

– Значит, так. Пятьдесят везете из Москвы: сотрудников, которых нужно поощрить, и часть руководства. Свяжись с директором по персоналу, пусть готовит список. Приурочим заодно вручение ежегодной премии «Лучший риелтор года», раз такой случай. А ты со своими ребятами организуй перелет. Только без выпендрежа – обычным регулярным. Поняла?

– Да, разумеется. – Какой смысл было рассказывать, что «лучший риелтор» пока еще в процессе отбора, а директор по персоналу по уши занят организацией обучения вновь принятых в штат сотрудников в количестве ста человек. – А из Питера кого будем приглашать?

– Главе филиала позвони. Пусть займется. Партнеры, клиенты, администрация, известные люди. Можно, думаю, рассмотреть Общественный совет, если деликатно. А приглашения вы будете оформлять – твои ребята знают как. Закажите срочно в типографии.

– Хорошо. – Алена с досадой вспомнила беременность Столяровой. Для нее одной из всего отдела эта работа была привычной. А тут – ни после шести ее не оставишь, ни в выходные прийти не попросишь с этим ее «интересным положением». – Приглашать от вашего имени?

– Конечно. – Шеф посмотрел на Алену как на дурочку.

– Подписывать будете?

– Сама за меня подпиши, – бросил он, выходя из лифта и направляясь прямо к стеклянным дверям, ведущим на улицу. – У меня времени нет.

– А финансистам указание дадите? – Алена выскочила из дверей вслед за шефом в одном костюме и офисных туфлях, которые жутко скользили по покрытому ледяной корочкой мрамору крыльца.

– Дам. Счета получишь – сразу на подпись неси. – Наконец он заметил, что на улице зима, а Алена не одета. – Все-все, давай. Простудишься еще.

«Да уж, – печально подумала про себя Алена, желая шефу «всего доброго!» с вымученной улыбкой на губах, – если действительно простужусь, никто эту вашу питерскую канитель расхлебывать не будет». Она поднялась к себе, надела сапоги и шубу, взяла сумку и снова спустилась вниз. Ужасно хотелось, выйдя из офиса, увидеть, что Вадим никуда не уехал, а машина его стоит, прижавшись к бордюру у самого входа. Алена долго крутила головой, всматриваясь в значительно поредевшие к вечеру шеренги припаркованных у тротуара машин. Вадима не было нигде. Алена потопталась еще немного на крыльце, вздохнула тяжело, а потом решительно развернулась и пошла к метро. Сама она на работу ездила без машины – до коллик боялась перегруженных и охваченных повсеместным хамством и безумием дорог московского Центра.

* * *

Подготовка к питерской эпопее занимала время Алены целиком. Все вопросы приходилось решать в авральном режиме, по любому поводу, в связи с тотальной сжатостью сроков,

пользоваться личными связями. Работа поглотила ее с головой. Единственным, кому доставалось хоть сколько-нибудь внимания, был Артем. Да и то перепадали ему последние крохи: Алена приходила уставшая, на автомате выполняла с сыном вечерние процедуры, а потом просила его почитать что-нибудь вслух. Читал Тема с неохотой и всегда выбирал стихи. Во-первых, потому что знал большую часть из них с детства наизусть, во-вторых, текста, разумеется, в них было меньше, чем в сказках или рассказах. Сил спорить с маленьким лентяем у Алены уже не оставалось, и она садилась у его кровати, моментально засыпая под размеренный бубнеж из области «гупый, маенький мышонок отвечает ей спросонок: нет, твой гоос не хорош...» – Артем все еще не выговаривал букву «л». И снилось ей тогда, что она и есть этот самый маленький мышонок, который ждет не дождется, когда же, наконец, появится Кошка. И это ожидание было страшным и приятным одновременно. Кошка приходила, мышонок исчезал, то есть, вернее сказать, это он в нее превращался. А потом приходил человек с лицом Вадима. Алена хотела ему что-то сказать, но никак не могла. Потому что оставалась Кошкой. И тогда они садились вместе и смотрели, как по стеклу капает серый дождик. Только Кошке не нравился дождь – потому что это был растаявший снег, вчера еще блестящий и красивый. И его было невыразимо жаль.

Алена просыпалась неизменно оттого, что Артем тряс ее за плечо и говорил: «Мама, иди к себе в кровать, только выключи мне свет». И она, сонная, целовала его в мягкую щечку, укрывала одеялом и щелкала выключателем у двери. Потом вспоминала, что не почистила зубы перед сном, и плелась в ванную комнату. А после этого долго не могла уснуть, лежа с закрытыми глазами и перебирая в голове навязчивые мысли, от которых благодаря работе удавалось избавиться днем.

Она думала о том, сколько забот прибавится в ее жизни, когда они разведутся с мужем. И как лучше поступить с квартирой, машиной и прочим «совместно нажитым имуществом». Удастся ли разменять их трехкомнатную на какие-нибудь две однокомнатные с помощью родной компании или лучше будет ей взять кредит и отдать мужу половину стоимости. Алена высчитывала в уме, делила. Суммы к выплате получались астрономические, варианты разезда нежизнеспособные. Плохо выходило и с мыслями о предстоящей жизни вдвоем с Артемом, который в последнее время, словно поняв и прочувствовав настроения Алены, все больше тянулся к отцу. То и дело она слышала от него: «мама, посмотри, как папа красиво нарисовал», «гляди, что мы с папой построили», «нет, ты иди к себе, я буду с папой играть», «наш папа самый хороший». От слов этих становилось больно в душе и сдавливало сердце, но продолжить жизнь с человеком, к которому не испытываешь ничего, кроме периодических всплесков раздражения, казалось, стало невозможным. Чертов катализатор в лице Вадима!

Алена, измученная мыслями, схемами и планами, засыпала только под утро. А спустя пару часов вскакивала под писк будильника и начинала собираться на работу. Приехав в офис, сразу же шла к себе и с головой погружалась в решение срочных и сверхсрочных проблем. Из кабинета она практически не выходила – во-первых, времени не оставалось даже на обед, во-вторых, боялась случайно повстречать Вадима. И потому, что не знала, как с ним себя вести, и потому, что не хотела, чтобы он видел ее в таком плачевном состоянии: измученной, уставшей от постоянной бессонницы и мрачных мыслей. Общались они все это время короткими сообщениями: «Обедать пойдешь?» – «Нет, иди один». – «В Питер кто из руководства летит?» – «Шеф собирался сам, точно пока не знаю». – «А меня-то вы хоть в список включили?» – «Да, если он не вычеркнет».

К понедельнику Артем, наконец, поправился, и Алена отвела его в школу. А сама сломя голову понеслась на работу – до мероприятия оставался ровно один день. Дел было невпроворот. Начиная с того, что сотрудникам, которые летят на празднование в Питер, еще не были розданы авиабилеты, заканчивая тем, что в пятницу не успели перечислить деньги органи-

зации, обслуживающей банкет. Закончил протокольный отдел работу только в одиннадцать вечера, а в девять утра на следующий день Алена должна были вылетать в Санкт-Петербург.

Для сотрудников компании, удостоенных чести принять участие, были по указанию шефа куплены билеты на 17:00, чтобы не терять ценного рабочего времени и при этом успеть с корабля на бал. А после вечеринки стройными рядами – обратно в аэропорт и ночным рейсом в Москву. Чего только не пришлось наслушаться Алене от этих самых приглашенных об умственных способностях руководства и его желании позаботиться о сотрудниках: ни во вторник, ни в среду от работы никто никого не освобождал. Так что все должны были явиться в офис, как обычно, к девяти утра – видимо, с вечерними платьями и костюмами в портпледах. В три занять свои места в аэроэкспрессе «Павелецкий вокзал – аэропорт Домодедово», молниеносно пройти регистрацию и спецконтроль, в Питере загрузиться в автобусы, прибыть на место проведения мероприятия к 19:30, а в 23:00 покинуть его тем же макаром. Как Золушки. Понятно, что недовольных хватало. Особенно если учесть тот факт, что, прибыв домой часа в три ночи, в среду к девяти все должны были явиться на работу.

Алена, загруженная собственными проблемами по поводу чертова «Дня риелтора Санкт-Петербурга», попыталась все же по многочисленным просьбам трудящихся втолковать шефу, что у тех, кто летит из Москвы, получается такой жуткий график, что все это приключение больше становится похоже на наказание, чем на поощрение. Генеральный вытаращил глаза и выдал Алене такую гневную тираду на тему «как же все, халявшики хреновы, обнаглели», что она моментально пожалела о том, что затронула этот вопрос. В ходе монолога выяснилось, что он лично никого не принуждает туда лететь, что денег и так уже потрачено черт знает сколько (можно подумать, Алена не знала), и все для того, чтобы устроить праздник этим козлам. А если они еще хотят, чтобы им гостиницу оплатили, пусть вообще тогда катятся ко всем чертям. В результате шеф, излившись до конца, сменил гнев на милость и сообщил, что не будет устраивать проверок на тему присутствия персонала на рабочих местах в среду утром. Но это – не официально, и говорить никому не стоит! Алена выдохнула с облегчением, сказала «Спасибо!» и выскользнула из его кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

– Чего он так разошелся? – участливо спросила Света, кивнув в сторону кабинета своего начальника.

– А-а-а! – Алена только устало махнула рукой. – Ты-то в Питер летишь?

– Вот ты спросила! – теперь Светка ни с того ни с сего завелась. – Если он летит, значит – придется, если – нет, значит – нет!

– Ладно-ладно. – Алена поспешно направилась к выходу. – Ты, главное, нервы побереги!

– Побережешь их тут! – Света тяжело вздохнула и уткнулась в монитор.

До аэропорта Алена добралась только к восьми часам. Раньше шести часов, как ни старалась, не могла себя заставить вылезти из постели. Регистрация подходила к концу. Она быстро добралась до нужной стойки, получила место в конце салона и побежала на спецконтроль.

В Питере самолет приземлился на десять минут раньше расчетного времени прибытия – пустячок, а приятно. И хотя полет занял всего-то час времени, Алена даже успела отдохнуть – за последнюю неделю ее мобильный редко умолкал дольше, чем на две минуты. А тут – целый час полной тишины, хороший завтрак, свежая пресса и милые улыбки бортпроводников. Что еще нужно измотанному до смерти человеку для полного счастья? Разве что отсутствие мрачных мыслей. Но это уже была для Алены непозволительная роскошь.

День оказался похож на фейерверк из разноцветных, блестящих до рези в глазах и совершенно бесполезных кружочков конфетти. Звонки, уточнения, нагоняи, нервотрепка. Интерьер, концертная программа, меню – все требовало финальной проверки и последних исправлений. К шести Алена превратилась в жалкое подобие силиконового манекена, из которого выкачали воздух. Выглядело это и вправду ужасно. Случайно взглянув на себя в зеркало, Алена поняла, что с нее на сегодня хватит. И, наорав напоследок на своих помощников, которым и

предстояло в последние тридцать минут ликвидировать все замеченные недостатки, отправилась в подсобное помещение, подхватив свой портплед. Она сосредоточенно пила обжигающий чай из чьей-то облупившейся по краю кружки и отчаянно мерзла. Потом собралась-таки с духом и скинула удобный свитер и шерстяные брюки, облачившись в тонкий нарядный костюм. Февральский холод плохо отапливаемой грязной комнатенки пронизывал до костей. Теперь еще предстояло трясущимися руками нанести на лицо нечто похожее на праздничный макияж, чтобы на собственной физиономии запечатлеть торжественность момента. Алена, бормоча все возможные проклятия, полезла в сумку за внушительных размеров косметичкой. В этот момент запел до смерти надоевшей за последнюю неделю мелодией телефон. Алена успела с неудовольствием подумать, что нужно будет ее сменить, и, не взглянув на дисплей, нажала кнопку.

– Алена?

– Я! – Голос ее, мягко говоря, звучал недружелюбно.

– Здравствуй, странная моя! – почти пропел в трубку Вадим.

От неожиданности Алена даже замолчала. Раздражение как рукой сняло, на лице расплылась довольная улыбка. Она прикрыла рот рукой, словно боялась, что Вадим увидит, как непозволительно радуется она его звонку.

– Ты где? – спросила она так сурово, как только могла.

– Здесь. А ты уже сбежала из этого дурдома? – Вадим говорил ласково. Алене даже показалось, что каким-то загадочным образом он все-таки увидел ее счастливое лицо.

– Так ты рад, что я всех вас тут бросила на произвол судьбы? – Она хитро прищурилось.

– Естественно! Для нас главное что? Чтобы ты была довольна!

– Спасибо! – Получилось даже слишком трогательно. – Подожди, а шеф-то прилетел? – спохватилась она.

– Нет! – радостно сообщил Вадим. – Парадом командовать буду я! Официальной частью. А потом я заберу тебя отсюда, и попробуй только возрази!

– Не буду, – устало согласилась Алена.

– Что «не буду»? – делано возмутился Вадим.

– Воз-ра-жать! – И она отключилась. Странно, но от разговора ей стало тепло, и руки больше не тряслись. Зато они вполне уверенно приступили к работе над серым и измученным нервотрепками последней недели лицом.

Вечер начался вполне сносно. Не так гладко и четко, как хотелось бы начальнику протокольного отдела, но народ, выпив по маленькой уже во время вступительного слова от имени генерального, расслабился на удивление быстро и ляпов не замечал. А к моменту окончания концерта никому уже просто не было дела до пресловутой культурной программы. Зато Алену колотило и бросало в холодный пот от путаницы в концерте. Перед самым началом выяснилось, что один из исполнителей не приедет. По какой причине – некогда было выяснять, и пришлось менять последовательность выступлений. Началась такая кутерьма, что сам черт ногу сломит. Но больше остальных потрепал нервы цыганский хор, который, забравшись на сцену, ни под каким предлогом не желал ее покидать. Алена убежала за кулисы, строила им оттуда страшные рожи, махала руками, но «цыгане» не сдавались. Решив в сердцах, что эти скоморохи, уже просто затерроризировавшие гостей своим пением, не получают от компании ни копейки, Алена выловила в толпе главу питерского филиала, который протезировал чертов коллектив, и велела ему любым способом гнать артистов из зала взащей. Глава с перепугу сориентировался довольно быстро – схватил бутылку водки и ринулся за кулисы. Как мог, жестами, потрясая в воздухе бутылкой, он добился понимания одной элементарной фразы «ребята, пора бы выпить!». Она-то и положила конец мытарствам зрителей и мучениям Алены. Справедливости ради нужно отметить, что и играли и пели ребята вполне неплохо, но выслушать пятнадцать

песен подряд неподготовленная публика была не в состоянии, и гости потянулись из зала на воздух «покурить», понося на чем свет стоит тупоголовых организаторов концерта.

Единственным из выступающих, кто ничего не напутал и никого не подвел в тот вечер, оказался Вадим. Он четко отработал программу в части вручений, поздравлений и приглашений выступить с речами, а потом сел за свой стол и стал кидать на буйно празднующих такие взгляды, что они шарахались от него в разные стороны. Каждые десять минут он отрывался от своего архиважного занятия, чтобы послать даме сердца очередное сообщение «мы идем?» и получить в ответ «подожди!». Алена, несмотря на то, что концерт подходил к концу и исправить уже все равно ничего было нельзя, металась по залу с намертво прилипшим к ней озабоченным выражением лица. В конце концов эта канитель надоела Вадиму настолько, что он демонстративно встал со своего почетного места, нашел среди празднично болтающейся публики суетливую Алену и, схватив ее за руку, потащил за собой. Кучка перешептывающихся за их спиной сотрудников компании, наблюдавших эту сцену, моментально разделилась на два лагеря. Одни полагали, что он утащил ее с намерением «выпороть» за проколы мероприятия, другие весьма справедливо полагали, что всех этих глупых недочетов в концертной программе он и не заметил. А уводит с не менее серьезным намерением, но совсем иного толка.

Алена была вне себя от ярости. Она затылком чувствовала насмешливые взгляды коллег и ненавидела Вадима за наглость. Не могло быть и капли сомнения в том, что завтра компания начнет бурно обсуждать их неуставные отношения, которые до сих пор удавалось благополучно скрывать. И – будьте покойны – все шишки моментально посыплются на нее. Она так и слышала, как с циничной усмешкой люди будут говорить: «А-а-а, теперь понятно, как она четыре года назад стала начальником отдела», «Ну, Алене Владимировне у нас же все можно», «Да, известно, как в нашей компании делается карьера».

И какое значение будет иметь то, что Вадим пришел в контору на пять лет позже, чем Алена, и никакого участия в ее назначении не принимал? Никто и не вспомнит об этом! К черту полетит активная рабочая атмосфера в протольном отделе. Хочешь не хочешь, а подсознательно каждый из подчиненных посмотрит на нее украдкой и представит, как они с Вадимом делают ЭТО. Алену просто распирало изнутри.

Она с трудом сдерживалась, чтобы не наорать на Вадима там же – в концертном зале. Но зато, когда они вышли на улицу, Алена разразилась такой гневной тирадой, что Вадим от удивления широко раскрыл глаза. Он и не подозревал, что его дама способна держать в голове, а главное – воспроизводить на свет такое количество ругательств. А потом Алена резко замолчала – сама по себе – так же, как и начала. И из глаз ее брызнули жгучие, невероятно горячие слезы. Это было еще более странно. Раньше Вадиму ни разу не приходилось видеть, как она плачет. Он прижал ее голову к себе и стал укачивать, словно ребенка.

– Что ты наделал? – спросила Алена устало, совершенно не надеясь на ответ. Они уже сидели в ночном баре на Невском, куда их доставило сонное такси, и пили джин с тоником. Опьянела Алена невероятно быстро – после первых же глотков: совершенно вылетело из головы, что она не ела ничего с момента завтрака в самолете. Но она намеренно не остановилась и приканчивала уже пятую порцию.

– Ты о чем? – спросил он, внимательно глядя на нее.

– Обо всем! – огрызнулась Алена. Смертельно не хотелось ничего объяснять. – О том, откуда ты взялся на мою голову, о том, что мы не успели на самолет, о том, как ты себя повел.

– Взятся, потому что по-другому не смог, – Вадим, понимая, что сознание Алены уже помутилось от выпитого, старался говорить как можно проще. – Успевать на самолет я и не планировал – у нас заказан отель и билеты на утро. Повел себя так – извини, не смог удержаться. Ты же знаешь, ошибочно считаю тебя своей, и никто ничего не может с этим сделать.

– Почему ошибочно? – Алена, не в состоянии уловить смысл всего сказанного, уцепилась за одно-единственное слово.

– По ряду причин. – Вадим пристально смотрел в ее блуждающие глаза.

– Так, значит, мы никогда не будем по-настоящему вместе? – спросила она.

– Мы и есть по-настоящему вместе, – Вадим устало пожал плечами. – Нужно только уметь радоваться жизни в тех проявлениях, в которых она дарит нам эту возможность.

– А-а-а, – Алена вяло отмахнулась, – начитался Ремарка. Я тоже его люблю, но это не значит, что в жизни все так же, как в книгах.

– Да не читал я Ремарка! – Вадим взял лицо Алены в свои ладони, пытаясь сделать так, чтобы она сфокусировала на нем взгляд. Бесполезно. – Просто других вариантов прожить жизнь по-человечески – нет.

– Есть! – Алена, наконец, посмотрела ему в глаза. – По-человечески как раз есть: либо все, либо ничего. Давай купим тот дом, – выдала она безо всякого перехода.

– Алена, – Вадим посмотрел на нее грустно, – какой еще дом?

– Тот, помнишь? Под снегом, – она мечтательно заулыбалась. – А когда дети вырастут, будем там жить вдвоем.

Вадим убрал ладони с ее лица и отвернулся к сияющему ночными огнями окну. Желтые пятна фонарей расплывались через стекло, и улица выглядела в этом размытом свете необычайно красивой. Продолжать разговор было бессмысленно – вряд ли Алена понимала сейчас, что она говорит. С другой стороны, только в таком состоянии от нее и можно было добиться того, что она на самом деле думает.

– Я не понимаю, о чем ты, – пожаловался Вадим. – Расскажи.

– Господи! – Алена недовольно поморщилась и тяжело вздохнула. – Мы с тобой видели – дом около леса, в огромной снежной шапке. Там еще дымок из печки шел. Ты сказал – картошку в мундире варят.

– Ясно, – Вадим улыбнулся, вспоминая, как они стояли на заснеженной тропинке и любовались лесом и маленькой деревенькой. – А ты его найдешь? Мы ж издалека видели, даже названия деревни не знаем.

– Найду! – Алена уверенно кивнула. – Он там один такой был, заваленный снегом.

– Бог ты мой, – Вадим печально улыбнулся, – ну ты как ребенок! Весна же скоро! Снег-то растает.

Алена взглянула на него сердито, укоризненно покачала головой и стала не моргая смотреть в окно. В помутненном сознании навязчивой мелодией звучала песня Чистякова, и почему-то страшно хотелось плакать. Особенно когда бродящие вразброс и по кругу слова находили фразу «человеку бедному мозг больной свело». После этого голова практически отключилась. Она запомнила только то, что ей было невероятно мерзко – мутило от выпитого и еще от проклятой, вездесущей тоски. Как они добирались до отеля, что она говорила Вадиму, – все это осталось для нее загадкой. Выспаться по-человечески тоже не удалось: на восемь было заказано такси в аэропорт. Оба злые, уставшие и разбитые, они наскоро привели себя в порядок, оделись и вышли под серое питерское небо.

Понемногу приходить в себя Алена начала, только когда самолет плавно оторвался от земли. Вообще, взлеты и посадки действовали на нее неоднозначно: с одной стороны, ей безумно нравились связанные с ними ощущения, с другой – мысли обострялись, в голове крутились обрывки фраз, словно вырванные из какого-нибудь религиозно-философского трактата: «Все вокруг – мелочно, глупо, бессмысленно. Значение имеет только сама жизнь. Судьба человека не зависит от усилий индивидуума, она продиктована свыше». Такое временное понижение устройства мира Алену раздражало, хотя и приводило к моментному умиротворению и покою. Теперь она, охваченная этим новым состоянием, украдкой взглянула на Вадима: за все утро они не сказали друг другу и двух десятков слов. Вадим был явно чем-то крайне недоволен.

– Ты злишься? – Она робко положила свою ладонь ему на колено. Хотелось утешить. – Не надо. Если я чем-то обидела тебя, то неосознанно. Прости.

– Если бы сознательно, на месте бы тебя за такие выходки прибил! – Вывести Вадима из себя было непросто. Но уж если такое случилось, безопаснее всего было спрятаться куда-нибудь на другой край света. Замкнутое пространство салона самолета таких возможностей не предоставляло.

– Вадим, прости меня ради бога, я не специально. Я даже не знаю, о чем ты говоришь! – Алена изо всех сил старалась изобразить невинное выражение и раскаяние на лице. Было это не просто, хотя бы потому, что она действительно не имела ни малейшего понятия, о чем идет речь.

– И не узнаешь! – Вадим повернулся к ней. – Такого унижения мне испытывать еще не приходилось – это ж надо было настолько расчетливо и цинично меня послать!

– Я – тебя?! – Алена искренне удивилась и даже испугалась. – Я и представить себе такого не могу!

– Зато я теперь могу – и в полной мере! – Он отвел глаза и посмотрел куда-то вверх. – Знаешь что?

– Что? – Алена внутренне напряглась, предчувствуя ответный удар.

– Мы с тобой не то что два года, мы с тобой и двух недель не протянем один на один. Поубиваем друг друга. Господи, и откуда ты взялась на мою голову?!

Алена молчала. Не то чтобы были сожаление или обида – нет. Этих чувств она себе в жизни давно не позволяла. Но досада оказалась страшной, невообразимой. Смутно, сквозь туман, она вспомнила, что решила вчера по пьяной лавочке в жизни больше не подпускать к себе Вадима, если только он не найдет выхода из ситуации и не женится на ней. Не назовет ее единственной женщиной в своей жизни. Видимо, всю ночь она со свойственным ей темпераментом занималась тем, что оберегала от Вадима свою честь. Алена покраснела, представив, что именно она могла ему ради такого дела наговорить.

Черт возьми! Ну как же, как она могла так беспомощно, до слез, до боли в груди, влюбиться? Почему позволила чувствам втянуть себя в этот бушующий водоворот, из которого не выбраться, не выплыть? Знала ведь, что хрупкое равновесие в ее жизни, какая-никакая гармония только потому и существуют, что нет никаких чувств. Капли было достаточно, чтобы развалилась эта шаткая конструкция – ее семья. А тут подставили под удар целого моря, жадного, бушующего, клокочущего моря непрошеной любви. Алена тихо всхлипнула. Теперь этот бурный поток, играючи, разрушил всю ее жизнь. Семью, работу, душевный покой. Без высшей цели, без смысла – только для того, чтобы насытить свою бестолковую страсть к разрушению. А Вадим даже не понял того, что сам же натворил! Его волновало мифическое неумение Алены получать удовольствие от жизни. Предаваться телесному пиру во время духовной чумы. И он – тот, кто разнес жизнь ее в щепки, – еще и испытывал унижение за справедливый отказ!

– Я поняла, – Алена говорила почти по слогам.

– Поняла – что?! – Вадим резко схватил ее за руку. – Что я не могу, несмотря на это, отказаться от тебя? Не в состоянии спокойно жить, зная, что ты живешь где-то рядом. Даже если это самое «рядом» – просто один и тот же мир.

– Не выдумывай, – Алена горько усмехнулась. – И отпусти меня. Больно.

На работу они поехали сразу из аэропорта. Алена все время хотела сказать Вадиму что-то очень важное, но так и не смогла понять, что именно. Они вместе вышли из лифта на своем этаже и разошлись в разные стороны по длинному узкому коридору.

В пятницу Вадим улетал в командировку на целых две недели. Они трогательно попрощались, наговорили друг другу море приятных и нежных слов. Вадим уехал, а Алена сидела за своим рабочим столом, то и дело нервно поглядывая на часы. Ровно в 15:00 – время вылета его самолета – она взяла чистый лист бумаги, ручку и написала заявление об уходе. Вышло не с первого раза – слишком отвыкли пальцы выводить рукописный текст, – буквы получались кривыми и непонятными. Пришлось переписать.

К шефу на этот раз она попала на удивление быстро, даже не успела толком продумать, что же говорить. Сидела и мямлила что-то малопонятное. Генеральный внимательно посмотрел ей в глаза, молча взял заявление из рук и подписал. Либо слухи о них с Вадимом до него уже дошли, либо какой-нибудь «благодетель» доложил о бардаке с концертной программой пресловутого «Дня риелтора Санкт-Петербурга». Что ж, оно и к лучшему. Меньше глупых вопросов и меньше никчемных слов. Предстояло отработать, как положено, две недели, чтобы передать дела, и – все. Прощай набивший за десять лет оскомину рынок недвижимости! Ну их к чертовой бабушке, этих риелторов, которых интересуют только собственные непомерные амбиции да рост цены за квадратный метр.

Алена вернулась на свое рабочее место и стала собираться. Письменный стол за четыре года доверху наполнился кучей ненужных вещей, оброс какими-то безделушками, бумагами, книгами. Она тщательно перебрала каждый ящик до последнего – не хотелось случайно оставить преемнику что-нибудь из личных вещей. То же самое предстояло сделать и с памятью компьютера, и с записной книгой корпоративного мобильного телефона.

Две недели прошли спокойно. Алене даже казалось моментами, что для всех она уже умерла: никто не звонил, не приставал с вопросами, не давал никаких заданий. Даже удивительно, насколько быстро распространяется по компании информация, когда не нужно, – о своем уходе она никому, кроме генерального, не говорила. Боялась, что раньше времени узнает Вадим. А может, это было вполне законное затишье после сумасшедшего по форме и содержанию празднования «Дня риелтора Санкт-Петербурга».

В последнюю пятницу Алена заполнила обходной лист, подписала кучу бумаг по передаче «основных средств», ласково проинструктировала вновь принятую начальницу протокольного отдела, вытащила из своего аппарата служебную SIM-карту и отнесла ее связисту. Все. Теперь телефон, до сих пор изредка сотрясаемый нежными сообщениями от Вадима, окончательно замолчал. Алена оделась, посмотрела на офисную комнату в последний раз, попрощалась со своими ребятами и ушла, не дождавшись пресловутых шести часов вечера. Какая, к черту, теперь разница?

С мужем она поговорила в тот же вечер. Не было сил больше ерничать, извиваться и врать – она просто рассказала ему все, как есть. Знала, что причиняет боль, но не могла остановиться. Сергей выслушал ее от начала до конца, причем на удивление спокойно. Без крика, без истерик. Сказал, что сам не собирается подавать на развод. Если Алене очень хочется – пусть она попробует это сделать, но он развода не даст. Нечего дурью маяться – нужно взять себя в руки, все забыть и спокойно воспитывать ребенка. А со временем и другая работа найдется, не хуже прежней. Алена, коротко кивнув, согласилась.

А ночью ни с того ни с сего ей стало плохо. Температура вдруг поднялась, все тело лихорадило и ломило. Голова раскалывалась так, что слезы сами наворачивались на глаза. Алена металась и стонала, комкая под собой супружескую постель. Сережа молча поднялся, принес ей мокрое полотенце на лоб и таблетку парацетамола. К утру Алена уснула. Сквозь тяжелый сон она все время думала о сыне и боялась, как бы Артем от нее не заразился и не заболел. Но потом в голове проскользнула вызванная лихорадочным бредом мысль о том, что дети расплачиваются болезнью за грехи своих родителей, а если раскаяться, то они и не будут болеть. Алена, успокоенная, погрузилась в бессознательное забытие.

В постели она провалялась целых десять дней – состояние было таким мерзким, что хотелось покончить с собой, чтобы прекратить, наконец, эту страшную пытку. Все время ее тошнило, кидало то в жар, то в холод, жалобной болью стонали все косточки и суставы. Врач сказал, что такой в этом году по Москве бродит мерзкий вирус, да еще и куча осложнений в виде гайморитов, синуситов и прочей малоприятной чепухи. Поэтому нужно обязательно долечиться до конца и раньше времени из кровати не вставать. Алена и не вставала – не было сил. Она то и дело проваливалась в тяжелый и влажный от жаркого пота сон. И снилось ей всегда одно и то

же: крохотный дом под снегом, в котором у окна сидят двое – Кошка и человек с лицом Вадима. А по стеклу стучит крупными серыми каплями дождь. И Кошка знает, что дождь – это вовсе не дождь, а снег, который тает и стекает с крыши. И почему-то его было невыразимо жаль.

Ссылка для верных жен

Глава I

Все началось с того самого дня, когда Дмитрий Львович захотел купить дом на Кипре.

Елизавета Андреевна была против этой затеи. Ее более чем устраивала их «дача» в Подмосковье – огромный особняк в тысячу квадратных метров. С зимним садом, баней, бассейном, спортзалом. Она бы вообще никуда оттуда не выбиралась – ни зимой, ни летом, – если бы не привычка самой возить дочек в школу, в Москву. В поселке про нее часто сплетничали, называли за глаза «барышней-крестьянкой» и крутили пальцем у виска. А все из-за того, что Елизавета Андреевна никак не могла переложить заботы, связанные с детьми, на прислугу. В школу дочек возила сама, готовила им иногда что-нибудь вкусненькое, уроки проверяла. Казалось бы, какие проблемы – водитель везет, охранник охраняет, кухарка готовит, няня с уроками помогает. Можно спокойно заниматься своими личными делами. Салоны, процедуры, покупки. Когда у тебя ТАКОЙ муж, хочешь не хочешь, а нужно соответствовать. Жена просто обязана транслировать в мир благосостояние семьи, подчеркивая гениальность и исключительность мужчины. Быть эталоном красоты, ухоженности и первичным признаком богатства.

Лиза об этом не задумывалась. Для своих тридцати девяти, не прилагая принятых в ее кругу усилий, выглядела она хорошо. Все ее мысли были о детях. Боялась не заметить, как они вырастут, как станут самостоятельными. Любила до умопомрачения и каждый день просыпалась и засыпала с мыслями о своих прекрасных, разумных, талантливых и невероятно красивых дочерях.

Как бы то ни было, но на покупке дома Дмитрий Львович настоял. Детям полезно море. Воздух там замечательный – не в пример Москве. Страна цивилизованная, да и коттеджик подходящий он уже нашел. Прямо на берегу. Километрах в десяти – не больше – от замечательного спокойного и уютного города Пафос. Можно будет на лето переезжать туда и целых три месяца наслаждаться всеми прелестями курортной жизни: солнцем, морем, прогулками. Отдыхать, ездить в горы – поближе к живительному воздуху расположившихся в вышине сосновых лесов – и путешествовать по кипрским городам. Елизавета Андреевна выслушала все аргументы, задумчиво покивала, тогда как мысли ее были далеко, и махнула на мужа рукой: «хочешь – покупай». Так они и стали счастливыми обладателями ценного объекта недвижимости на Кипре.

Первое лето в новом доме прошло неплохо. Как только занятия в школе закончились, Лиза упаковала чемоданы, собрала детей, мужа, и они все вместе полетели на Кипр. Домик Елизавете Андреевне понравился – не такой большой и не такой помпезный, как в Москве, но вполне милый и даже просторный. Планировка удобная – столовая, гостиная и спальня на первом этаже, плюс три спальни – на втором. Обставлен без особой роскоши, но со вкусом – Дмитрий Львович специально какого-то местного дизайнера нанимал. Так что Лиза осталась довольна, а дети – те так были просто счастливы. Чего ж еще желать?

Дима помог им устроиться на новой «даче», организовал аренду машины на три месяца, а в понедельник улетел в Москву. Работа. Ничего не поделаешь. Елизавета Андреевна прекрасно это понимала и страшно жалела мужа. Как ему, бедному, было тяжело справляться с разросшейся до невероятных размеров компанией. Двадцать тысяч сотрудников – это вам не шутка. А ведь когда-то все начиналось с четверых вдохновленных собственной идеей юнцов и небольшой комнатки – одной на всех – в старом, переоборудованном под офисы, доме на «Коломенской». Как же все изменилось за тринадцать лет! Партнеры Димы уже давно отошли от дел и жили за границей на положенные им по акциям баснословные проценты. Только Дмитрий

Львович никак не мог успокоиться и бросить свое детище на произвол судьбы. Не вырос еще тот человек, которому он передоверил бы компанию. Вот и тянул как вол, в одиночку, ставший непосильным груз.

После отъезда Димы Лиза неожиданно заболела. То ли акклиматизация проходила сложно, то ли солнечный удар умудрилась получить с непривычки, то ли вирус какой-то пристал. Елизавета Андреевна пролежала в постели целую неделю – температура держалась под тридцать девять, постоянно накатывала противная тошнота, страшно кружилась голова, и совершенно не было сил. Хорошо, девочки уже большие – могли сами о себе позаботиться. А с хозяйством в доме управлялась нанятая Дмитрием Львовичем домработница.

За мамой девочки ухаживали сами. Приносили в спальню обед – правда, есть Лиза почти не могла, следили за тем, чтобы она вовремя принимала лекарства, и постоянно меняли влажное полотенце на ее разгоряченном болезнью лбу. Лиза лежала и сквозь туманные мысли ни о чем и полубредовые сновидения удивлялась тому, какими взрослыми стали ее дети, – казалось, вчера только были совсем крохами и не слезали с маминых колен. А теперь – Машке шестнадцать, Саше десять. И куда только время так спешит?

Наконец, Лизе стало немного лучше. Сначала появились силы на то, чтобы читать книги, – благо притащила из Москвы целый чемодан, потом на то, чтобы есть. В результате она встала и начала по чуть-чуть гулять. Сначала на улицу выходила только по вечерам – боялась жары, но постепенно осмелела.

Жизнь на Кипре была совершенно другой. Не такой, как в Москве. Да и понятно – все определялось климатом острова и размеренным течением времени в условиях тотального безделья. С самого утра стояла невозможная жара – поэтому Лиза старалась вставать пораньше, пока еще можно выкупаться и позагорать, не боясь получить тепловой удар или солнечный ожог. Но возвращаться с пляжа под палящим солнцем было уже тяжело – жарило всюду. Вообще-то, от дома до моря было метров триста, не больше. Но берег вокруг Пафоса в основном каменистый – ни песочка, ни галечки – только отполированные водой разных форм и размеров каменные глыбы. Приходилось пользоваться пляжем расположившегося неподалеку отеля. Там, как могли, приспособили берег для купаний. Огородили каменным пирсом небольшой закуток, чтобы волны не зашибли купальщиков ненароком, засыпали пляж мелкими белыми-белыми камушками – то ли мраморной крошкой, то ли чем-то похожим – и построили деревянный помост. Зайти в воду можно было только с него. Все остальные поверхности были твердыми, мокрыми и, соответственно, скользкими. Так и голову проломить недолго. Днем Лиза всегда оставалась дома. Даже запретила помощнице по хозяйству готовить, чтобы было чем себя занять.

Время на Кипре непривычно для Лизы остановилось, дни стали похожи один на другой, как две капли воды. Разнообразие вносили только приезды мужа по выходным. Дмитрий Львович был неугомонным – вытаскивал семью на экскурсии: то на древние мозаики в Пафосе посмотреть, то к знаменитой купальне Афродиты, где она вышла на свет из морской пены, то в аквапарк в Лимасоле, то в монастырь Киккос, то в Никосию, то куда-то еще. Было весело, а Дима выглядел совершенно счастливым и даже, казалось, помолодел. Лиза радовалась, глядя на мужа. Судя по всему, морской воздух и активный отдых действовали на него благотворно. Раньше он никогда не любил загорать, а теперь вот пристрастился. И с удовольствием разглядывал по вечерам в зеркале свое отражение бронзового цвета. В воскресенье вечером он, к невозможному сожалению всех членов семьи, возвращался в Москву. Девушки оставались одни. Самостоятельно по острову они пока не ездили – Лиза не сразу привыкла к особенностям левостороннего движения на дорогах и водила с опаской. Максимум – до супермаркета в Пафосе, за продуктами. Поэтому без папы становилось скучно и даже тоскливо.

Поначалу они с девочками часто выбирались в разные кафе, чтобы поужинать или пообедать. Но это дело надоело Лизе очень быстро – греческая кухня на Кипре разнообразием не

отличалась. Салат, гриль, шашлык или прославленное кипрское мезе – вот и все изыски. Мезе можно было попробовать, честно говоря, от силы пару раз. И больше не хотелось – даже с условием того, что смена блюд в рамках этого самого мезе происходила раз по восемь. Все было специфическим, довольно непривычным для русского человека, а главное – не всегда можно было без добросовестных объяснений официанта разобраться, что из чего состоит. Какие-то тефтельки из фарша, обильно одобренного непонятной, мелко нашинкованной травой, что-то вроде долмы – мелких голубцов, завернутых в виноградные листья, неясного происхождения запеканки, опять же с травой, и бесчисленное множество довольно острых соусов и паст ядовитых расцветок. От всего этого желудок начинал сдавать – ощущались тяжесть и тупая боль наверху, между ребер. Поэтому Лиза эксперименты прекратила. Покупала продукты и готовила сама. Только и в этом случае не все было так просто, как хотелось. Например, найти банальную свеклу, чтобы сварить борщ, было практически невозможно. Сколько Лиза ни пыталась, никто из продавцов даже не понимал, о чем она говорит и чего, в конце концов, хочет от них настырная и эксцентричная мадам.

Но если не обращать внимания на мелкие проблемы в части гастрономии, Кипр был местом практически идеальным. Бурная растительность и экзотические пальмы щедро украшали территории бесчисленных отелей, по дорожкам которых можно было бродить сколько душе угодно: никто не запрещал. Неподалеку от дома стояла замечательная живописная церквушка Святого Георгия. Там то и дело происходили какие-нибудь торжественные события – то венчания, то свадьбы, то крещения, то похороны. И при желании всегда было на что поглазеть: церемонии, все как одна, были богатые и очень людные. Сегодня женилась состоятельная русская пара, завтра семья армян приносила крестить ребенка, послезавтра венчалась дочка какого-то местного олигарха с выбранным для нее папашей женихом. И так без конца. Постепенно Лиза разобралась с вождением, и они чуть ли не каждый день стали ездить в горы. Бродили по сосновым лесам, наслаждались их ароматным воздухом, щедро даруемой тенью и покоем.

Водить машину на Кипре было сложно только на первый взгляд. На самом же деле после московских дорог езда здесь оказалась раем. Водители все как один были вежливы и внимательны. Правила соблюдались неукоснительно. Никто не пролезал вперед по встречной, никто не давил в бешенстве на клаксон. А уж к арендованным машинам аборигены относились так снисходительно и почтительно одновременно, что Лиза поначалу даже смущалась. Но потом привыкла и только благодарно улыбалась в ответ. Дороги были ровные, с четкой разметкой – никаких колдобин или ям, никаких «лежачих полицейских». Только маркировка на асфальте, призывающая сбросить скорость. И все послушно тормозили.

Но главной приятностью, разумеется, было море. Огромное, переменчивое. То бурное и кричащее, то шепчущее и спокойное. Лиза облюбовала себе местечко на камне около самой воды и после заката часами сидела на берегу, обдаваемая солеными брызгами и вдыхая живой аромат. Сашка, наигравшись и набегавшись за день с новыми подругами, уходила спать. Маша отправлялась с появившимся у нее курортным бой-френдом – сыном председателя правления известного в России банка – в близлежащий паб. Лизу удивляло то, что на Кипре так много русских детей. Расспрашивая своих общительных дочурок, она выяснила, что практически все дома у моря заселены семьями из Москвы. А англичане, которые исторически считают остров чуть ли не собственностью Соединенного Королевства и переезжают сюда жить на пенсию, селятся по большей части в горных поселках, мешаясь с коренным населением.

Несмотря на обилие русских соседей, заводить новые знакомства Лиза не собиралась. Она и в Москве-то не часто приглашала и принимала гостей – как-то все времени не хватало. А если и была возможность, она чаще всего находила отговорки. Приятней было провести вечер дома, в тишине, почитать книгу. А не тратить время на бессмысленную женскую болтовню, изобилующую рассуждениями на предмет одежды, косметики, салонов Haute Couture. Это все

было скучно и неизменно навевало на Лизу зевоту. Но дома в Москве по вечерам было уютно и хорошо, а здесь, на Кипре, почему-то становилось грустно. Иногда вместе с темнотой накачивалась такая жуткая тоска, что белый свет становился не мил.

Лиза сидела на берегу и всматривалась в потемневшую воду. Вокруг бродили влюбленные парочки, слышались приглушенные голоса, восторженные вздохи, и сам воздух наполнялся возбуждением курортной жизни. А Лиза была одна. В доме ждала пустая постель – не к кому прижаться, некого обнять, некого приласкать. А так хотелось, что просто голова кругом шла. Лиза с нетерпением, как манны небесной, ждала каждого приезда мужа. Но он, привыкший к их «раз – максимум два в месяц», словно и не замечал состояния жены: ее пылких взглядов, умоляющих прикосновений, неизбывной тоски в глубине голубых глаз. Он носился по пляжу как мальчишка, играл с дочками в мяч, не вылезал из воды, возил семью по разным историческим местам, а вечером падал в постель, усталый и довольный, чтобы моментально заснуть. Лиза лежала с открытыми глазами до самого утра. Но сама napроситься не смела. В воскресенье Дима, отдохнувший и посвежевший, уезжал. Лиза оставалась, мрачная и раздраженная. Чтобы с надеждой ждать его следующего приезда.

Наконец лето подошло к концу. Лиза, страшно соскучившись по Москве и устав от Кипра, с радостью упаковала чемоданы и повезла дочек домой. Испытание Кипром, слава богу, осталось позади. Вернулась нормальная, полная забот и мелких радостей, семейная жизнь. Родной дом, где все было продумано и обставлено не каким-то дизайнером, а ею самой, привычный распорядок дня, украшенный кучей крупных и мелких дел. За день даже не хватало времени, чтобы все успеть, хотя Лиза крутилась как белка в колесе – школа, поликлиники, занятия Маши с репетиторами, спорт, уроки, покупки и возвращение опустевшему дому уюта и сверкающей чистоты. Засыпала она уставшая, но с сознанием того, что день прожит не зря.

Все шло, как и прежде, хорошо. Лиза блаженствовала. После Кипра она получала удовольствие от всего, что окружало ее в родном доме, в родном городе. И даже думала о том, что лето на Кипре прошло не зря – благодаря трем месяцам вдали от дома теперь, в сравнении, она чувствовала себя самым счастливым человеком. Длилось это чудное состояние до тех пор, пока Дмитрий Львович все не испортил одним своим словом.

Вообще-то, давным-давно, сразу после рождения Маши было решено, что она, окончив школу, будет поступать в МГУ. Лиза заранее обо всем договорилась – деканом факультета социологии работала ее бывшая школьная подруга, которая прекрасно знала, что, как, кому, когда и почему. Так что неожиданная идея отправить ребенка в Кембридж была не только спонтанной, но и совершенно необдуманной. Дмитрий Львович даже не посоветовался с женой – просто и однозначно поставил ее перед фактом. Елизавета Андреевна вспыхнула. Обычно спокойная и терпеливая, она совершенно вышла из себя. Дмитрий молча выслушал все ее излияния и заявил: «Все будет, как я сказал. Спорить бесполезно». Развернулся и вышел из супружеской спальни. Сердце Елизаветы Андреевны подступило к самому горлу. Мешало дышать и вызывало тошноту. Так уже было однажды – года три назад, – когда расторопная соседка, napросившись к ней на чай, радостно доложила, что Дмитрий Львович был замечен в казино с молодой любовницей. Сомнений не было – так они друг на друга смотрели и даже держались за руки на людях. Соседка тут же предложила услуги какой-то знакомой бабки-колдуньи, чтобы избавиться от соперницы. Но «можно и заказать эту шлюшку – дороже, зато надежней» – вдогонку предложила она. Лиза тогда расплакалась. Соседку попросила немедленно уйти и оставить свои комментарии и предложения при себе. Было такое чувство, что ее уютный семейный мир – единственная ценность, которая была у нее в этой жизни, – рушится прямо на глазах. Но Лиза тогда смогла все заново отстроить – переключилась целиком и полностью на детей. А Диму стала воспринимать как необходимую, но и неподвластную ей часть бытия. С тех пор пару раз она слышала подобные вести и от других «доброжелателей». Но не реагировала бурно.

Даже не пыталась выяснить, была ли это все время одна и та же девушка или он менял их как перчатки. Ей это было по большому счету все равно.

А вот Кембридж сейчас оказался таким же страшным ударом, как и те первые дурные вести. Лиза с ужасом поняла, как сильно изменился Дима. Позади остались времена, когда они вместе принимали решения, когда муж советовался с ней, когда она помогла поставить на ноги его небольшую тогда компанию, серьезно пошатнувшуюся в девяносто восьмом. И даже продала ради поддержки предприятия доставшуюся ей от бабушки огромную трехкомнатную квартиру на Тверской. Лиза никогда не ставила ему это в укор – считала своим долгом. А вот сейчас захотелось припомнить зарвавшемуся мужу все. Лиза расплакалась, как девчонка, от жалости к себе – ее пытались разлучить с самым дорогим, с тем, что было смыслом ее жизни и надеждой на завтрашний счастливый день. Но, как это ни странно, злость на мужа вытекала из Лизы вместе со слезами. Она задумалась, решила, что Дима тоже по-своему заботится о благе дочерей. Хочет дать им лучшее. Утерла слезы и пообещала себе при случае спокойно объяснить мужу все: что МГУ не хуже – проверено временем и многими вышедшими оттуда теперь знаменитыми и достойными людьми, что нельзя лишать ребенка привычного круга общения, отсылать от дома и семьи.

Случай поговорить представился не скоро: Дмитрий Львович, словно нарочно, избегал возможности остаться с женой наедине. Возвращался поздно и сразу ложился спать, утром на скорую руку пил кофе и уезжал. Лиза ждала. В один из выходных, спустя месяц после первого упоминания о Кембридже, девочки уехали всей школой на экскурсию, а супруги волей-неволей остались дома одни. Лиза приготовила завтрак, накормила мужа, никак не демонстрируя своих намерений, и они, как в старые добрые времена, отправились прогуляться по лесу.

– Дим, – Лиза взяла мужа за руку, – ты меня еще хоть капельку любишь?

Такого подвоха от спокойного субботнего утра Дмитрий Львович не ожидал. Он внутренне напрягся и ответил вопросом на вопрос:

– Почему ты спрашиваешь?

– Да так. Хочется иногда услышать от тебя приятные слова. Последнее время ты редко со мной говоришь. – Она делано-печально вздохнула. Дмитрий вряд ли догадывался о том, что она в курсе его неверности и только по привычке играет роль любящей жены. Так и нечего ему все знать. Пусть считает себя самым умным – ему это нужнее.

– Работа... – Дмитрий Львович обрадовался, что удалось уклониться от ответа. – Устаю как собака, ты же знаешь. За день так наговоришься, что язык во рту не ворочается. Иногда по семь-восемь переговоров в день – свихнуться можно. Да и от персонала покоя нет – то это у них случилось, то то. Приходится все решать.

– Дим, – Елизавета Андреевна посмотрела на мужа, – ты мне не ответил.

– Я? – От Лизы не ускользнуло то, как он отвел глаза. – На что?

– На то, любишь ли ты меня, – терпеливо, почти по слогам, повторила она.

– Ну конечно! Мы же с тобой одна семья. Вон какие дочки замечательные растут – все твоя заслуга.

– Зачем ты тогда это затеял? – Дмитрий Львович не сразу понял, о чем идет речь. Непроизвольно дернулся и на всякий случай вытащил из ладони жены свою руку.

– Что ты имеешь в виду?

– Кембридж, – Елизавета Андреевна печально усмехнулась, глядя на его испуг. А потом торопливо, не давая ему вставить даже слово, продолжала: – Это же глупо. Зачем он нужен Маше? Она и здесь прекрасно выучится и станет блестящим специалистом. Она умная девочка. Да ты на себя хоть посмотри – ни Гарвардов, ни Кембриджей не заканчивал, учился в Москве, – а такое дело в своей жизни создал! Любой мужчина твоим уму и способностям позавидует.

– Сейчас времена другие, – сухо ответил Дмитрий Львович. – Без новых технологий, методик, разработок на мировой рынок не выйдешь. А у нас учат до сих пор по старинке.

– Да ведь не это главное! МГУ дает прочное классическое образование. Это университет с мировым именем, – Елизавета Андреевна начала нервничать, но старательно сохраняла спокойствие. – Главное – научить человека мыслить, искать решения поставленных перед ним задач, получать ответы на любые вопросы. Тогда он ни в одной компании, ни на одной должности не пропадет. А все методики и новые технологии – дело наживное. Придет на работу и по профилю во всем разберется. Думающий человек, который умеет учиться, нужен везде.

– А мне в компании нужен готовый профи по финансам! И точка. В Кембридже преподают не только теоретики, но и практики с большим опытом. – Дмитрий Львович резко развернулся и направился к дому.

– Дима! Постой! – Елизавета Андреевна еле поспевала за ним. – Ты хоть Машку-то спросил? Хочет она именно в твою компанию? Ведь у человека в жизни должен быть выбор. Нельзя так вот взять и все за нее решить.

– Я – спросил. И тебе советую. А лучше бы ты сделала это до того, как мне нервы трепать. – Дмитрий скрылся за воротами.

С Машей Лиза поговорила в тот же вечер. И выяснила, что «папе нужно будет помогать», что «не всякому человеку от рождения дается шанс стать крупной фигурой в огромной корпорации», что «Кембридж – это круто» и что «именно в таких мировых учебных заведениях человек обрывает первыми деловыми связями, которые в будущем могут сыграть в жизни важную роль». Маша закончила тем, что на все университетские каникулы будет обязательно приезжать домой. Поэтому пусть мамочка не волнуется – все у них останется, как прежде. Она обняла Лизу. Чмокнула в щечку и побежала по своим делам. Лиза сидела, застыв, как изваяние. И когда только вечно отсутствующий дома отец успел внушить дочери все эти прогрессивные мысли? Почему ему так легко дается то, на что у нее, Лизы, уходит море времени и сил? Ответа на эти вопросы Лиза так и не нашла.

Она пробовала заговорить с Дмитрием на тему Кембриджа еще несколько раз. Он молчал и на все доводы, убеждения, просьбы только повторял как заведенный, что все уже решено. Лиза перестала спать по ночам. Она не могла смириться с мыслью о том, что ее драгоценного ребенка пытаются у нее отнять. Отправить куда-то далеко-далеко, в эту чертову Англию. И как же она будет разрываться на части, как научится делить время между Сашенькой в Москве и Машей в Кембридже? Лиза знала себя. Знала, что не сможет так жить: будет рваться на каждые выходные к старшей дочери и, прилетев к ней, скучать по младшей. Она совсем себя измучила непрерывными мыслями о том, что их семья рушится, распадается и разваливается на части. Родные, любимые, но разные части. Неужели дети всегда так болезненно для родителей взрослеют? И почему так быстро? Лиза непрерывно задавала себе эти вопросы. С трудом она удерживалась от того, чтобы не «шантажировать» Машку постоянно – словами о том, как она будет без нее скучать, или жалобами на то, что неблагодарная доченька бросает мать, которая вложила в нее все силы, всю любовь. Лиза понимала – таких вещей говорить нельзя. Как бы больно ни было, а решения своего повзрослевшего ребенка нужно научиться уважать. Слишком прозрачна и тонка грань между материнской любовью и материнским эгоизмом. А последний – прямой путь испортить раз и навсегда сложившуюся дружбу. Такую радостную, приятную и такую хрупкую одновременно. Так что Машку Лиза не трогала, а вот мужу объявила войну. Сказались и злость, и обида, и прошлые его грехи.

Дмитрий Львович старательно не замечал враждебности жены. Не реагировал на обиженное молчание, не отвечал на нападки, не комментировал ее еженощные бдения и вообще старался держаться от измотанной собственными тяжелыми мыслями супруги подальше. Пока она сама в очередной раз не подходила к нему и не поднимала «кембриджский вопрос». У Лизы исчерпывался запас разумных доводов и веских аргументов – все их она уже безрезультатно испробовала на супруге. Теперь она все чаще просто зло смотрела ему в глаза и угрожала. Тем, что устроит ему веселую жизнь, тем, что он у нее еще попляшет, тем, что его привычный уклад

будет разрушен так же, как ее. Дмитрий Львович не реагировал. В результате Лиза начинала кричать и впадала в самую настоящую истерику.

В один прекрасный день Дмитрий Львович заявил, что с него хватит. Проорал в ответ, что, если она не перестанет накалять обстановку и настаивать на своем, он переедет в московскую квартиру – и все. Лиза испугалась. Попыталась взять себя в руки, но получилось не очень. Слезы брызнули из широко раскрытых глаз, а плач превратился в болезненные всхлипы. Выглядело это так, словно ей не хватало воздуха, чтобы дышать. Дима в свою очередь испугался тоже. Пожалел Лизу. Обнял ее за плечи и стал утешать. Не помогало. Тогда он встал, взял телефон и набрал какой-то номер.

– Виктор? Добрый вечер, Рубцов побеспокоил. Мне нужна твоя помощь. Да нет, я в порядке – жене. Запиши, пожалуйста, к себе на прием. Нет. Это долго. Найди время в понедельник. Откажи кому-нибудь! Да. Да. Устраивает. Я сам с ней подъеду. – И повесил трубку.

Дмитрий Львович вернулся к жене. Снова положил ей руку на плечо.

– В понедельник поедem к врачу.

– Зачем? – еле-еле смогла выдавить Лиза сквозь всхлипы.

– Он замечательный психотерапевт. Лучший. Если сами не можем разобраться со своими проблемами – будем привлекать сведущих людей.

– Я не буду! – Лиза говорила как капризный ребенок, утомленный собственным долгим плачем.

– Зато буду я. – Он крепче прижал к себе жену и стал укачивать ее как маленькую.

К Виктору они поехали. Правда, присутствие Дмитрия Львовича можно было назвать в лучшем случае номинальным. Он привез Лизу в клинику, провел в кабинет, представил врачу и тут же удалился. Дела. Лиза чувствовала себя неуютно. Никогда, даже близким, не рассказывала она о своих душевных муках, о проблемах в семье. А тут на тебе – совершенно чужой человек, да еще и мужчина, да еще пристающий, как банный лист. Он измучил ее вопросами. Обо всем – о ее образе жизни, о привычках, о муже, о детях. Лиза вздохнула с облегчением, только когда все это закончилась и она вышла из клиники на свежий воздух. В глубине души она считала подобные консультации совершенно бесполезными. Никогда не доверяла чужим. Да и с какой стати раскрываться перед совершенно незнакомым человеком? Тем более что с детства внушили, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Не на кого в этой жизни надеяться, кроме как на себя.

Водитель Дмитрия Львовича ждал ее на крыльце.

– Елизавета Андреевна, Дмитрий Львович просил вас не уезжать домой. Он хотел бы с вами пообедать. В «ПушкинЪ», в три. Могу вас туда отвезти? – Водитель услужливо открыл дверцу, Лиза села. Дверцу машины он не закрывал – ждал ответа.

– Можешь, – устало сказала она.

Дмитрий ждал ее за столиком на втором этаже. Лиза поднялась на лифте, отыскала мужа глазами. Он встал, когда она подошла, и продолжал стоять, пока официант не помог Лизе сесть. Обед уже был заказан. Лиза с горечью отметила, что и здесь ее никто не спросил. Настроение испортилось окончательно.

Из окна, у которого они сидели, лился яркий морозный свет. Дмитрий молчал. Лиза от нечего делать теребила салфетку и рассматривала мужа, пытаясь сравнить его с тем молодым человеком, которым он был тринадцать лет тому назад. Когда Машка была маленькая. Когда он только-только открыл свое собственное дело. Дима сильно располнел за это время, волосы чуть поредели, откуда-то появилась перхоть, зато взгляд стал самоуверенным и надменным. Он смотрел на людей только в упор, не стесняясь и не боясь показаться бестактным. Во всех его движениях читалось презрение к окружающим. Он не давал себе труда разобраться, кто перед ним: официант, портье, заместитель, партнер или жена. Все были для него слишком мелки, и всех он одаривал одним и тем же сверлящим холодным взглядом.

– Ну, как? – нарушил он, наконец, молчание.

– Плохо, – в тон ему ответила Лиза.

– Что, Виктор отказался помочь?

– Да что ты. Он-то как раз полон энтузиазма. Я не хочу.

– Это неразумно. – Дмитрий, видимо, дал себе зарок изъясняться только односложными фразами. – Попробовать стоит.

– А мы можем сменить тему? – Лиза боялась выйти из себя. Все-таки общественное место.

– Можем. Но я искренне хочу, чтобы ты поправилась.

– Я здорова, – процедила Лиза сквозь зубы. Она подумала, что он специально не стал дожидаться вечера, чтобы не заводить опасных разговоров дома. Там она бы впала в истерику снова. Здесь ей придется сдержаться – он знал, как она щепетильна по части демонстрации своих эмоций на людях.

– Хорошо. Но ты переживаешь. И это сказывается не только на мне. На детях тоже.

Лиза поджала губы. Значит, вот как. Неприкрытый шантаж.

– Дети не знают.

– Лизонька, – Дима, наконец, сменил застывшее выражение надменных глаз на что-то более человеческое, – ты зря так думаешь. Они все видят. Спрашивают меня, «что случилось с мамой». И что мне им сказать? Я же и сам не пойму, что конкретно произошло. Наша дочь сделала выбор. Я считаю его правильным. Вот и все.

– Это не Машка! – прошипела Лиза. – Это все ты! Ты ей внушил. Если тебя так тяготит присутствие в доме взрослой дочери, то мне оно жизненно необходимо!

– Не говори ерунды. – Дмитрий оставался спокоен. – Я люблю ее не меньше, чем ты. А в тебе говорит материнский эгоизм. – Лиза всхлипнула, припоминая собственные мысли в этом ключе. – Опасная штука, между прочим. «Я растила, я воспитывала, а она теперь меня бросает». Так нельзя! Нужно уметь принять все как есть. Даже если нам это кажется неправильным.

– Слишком много всего я принимаю «как есть»! – снова прошипела Лиза. – Если бы Машка сама придумала! Так ведь нет. Ты! Ты навязал. У Машки и в мыслях не было такого.

– Дорогая, не так-то просто разобраться в мыслях другого человека, – назидательно произнес Дмитрий Львович. Лиза едва сдерживалась, чтобы не плюнуть ему в лицо. Он продолжал: – Неважно, насколько близок тебе человек, – чужая душа потемки.

– Это уж точно! – бросила Лиза. – Мы семнадцать лет муж и жена, а я, оказывается, совсем тебя не знаю!

– Семнадцать с половиной, – поправил Дима. – Кстати, ты наверняка не помнишь. Но у нас с тобой сегодня юбилей – двадцать лет назад, в этот самый день, ты впервые разрешила мне себя поцеловать.

Лиза от неожиданности даже замолчала. Не может быть, чтобы циничный и всегда расчетливый Дима помнил такие вещи. Может, соврал? Она автоматически переключилась с мыслей о Кембридже на воспоминания. Видимо, этого супруг и добивался.

Лиза была уверена, что тогда была зима, что они ходили в кино – на какую-то премьеру. Кажется, в «Пушкинский». Только дату она напрочь забыла. Ей было девятнадцать, ему – двадцать один. Вроде бы не дети уже. Но Лиза не позволяла своему пламенному ухажеру прикасаться к себе. Она уже поняла, что влюбилась. Страстно. Безумно. Без оглядки. Только страшно боялась бытовавших в среде более опытных ровесниц мифов о том, что как только мужчина получает возможность приблизиться к девушке или того хуже – ею обладать, он тут же теряет к ней всякий интерес. Лиза мучила себя и Диму уже целых девять месяцев – даже за руку себя брать не разрешала. И вдруг в кино все изменилось. Показывали что-то очень трогательное и о любви – Лиза не выдержала и сама взяла в темноте Диму за руку. Он воспринял ее

жест как команду к действию – не обращая внимания на сидящих сзади людей, притянул к себе и страстно поцеловал. Из кинотеатра Лиза выходила красная как мак. Ей было стыдно и очень страшно. Вдруг действительно бросит. Но Дима никуда не пропал. Наоборот, стал еще внимательнее и ухаживал за ней как за принцессой. Дарил дорогие подарки, приглашал на все интересные премьеры, каждый день приносил цветы. Благо возможность делать все это у единственного сына члена тогдашнего правительства была. Лиза сдалась на свой страх и риск. Они поженились.

– Так что, выпьем за нас? – Дмитрий Львович наблюдал за тем, как перед глазами Лизы мелькают картины из прошлого, и заговорил, только когда она чуть тряхнула головой и посмотрела на мужа осмысленным взглядом.

– Давай. Что ж с тобой поделаешь. – В зрачках Лизы засиял теплый ласковый огонек. Она уже видела перед собой не располневшего и презрительного ко всему мужчину «среднего возраста», а пылкого и шустрого молодого человека. Высокого, красивого, умного и любимого.

Дальше все пошло как по маслу – они больше не заговаривали ни о Кембридже, ни о психотерапевте. Просто вспоминали юность – как познакомились, как поженились, как Машка родилась. Лиза все время, пока они говорили, никак не могла отделаться от навязчивой мысли на тему «какое замечательное было время». Нет, не совсем так – «какое замечательное БЫЛО время».

Домой ее увез водитель. Сам Дмитрий Львович вызвал из офиса дежурную машину. Лиза пребывала в легком и радужном настроении – давно она не чувствовала себя так хорошо. Открыла сумочку, чтобы подправить макияж – ужасно хотелось выглядеть превосходно, пусть для себя самой – и обомлела. Внутри лежала нежно-зеленого цвета коробочка от Tiffany. И когда только Дима успел подложить ее в сумку? Лиза со смешанным чувством удовольствия и любопытства взяла коробочку в руки. От нее исходило приятное тепло – ожидание вернувшегося счастья, вновь открывающей глаза любви. Муж так давно не дарил ей подарков, что она уже и забыла, как это бывает. Как наполняется сердце радостью, как воспаряет душа, которой говорят: «ты нужна», «ты любима», «ты прекрасна». Лиза, трепеща, освободила бархатную коробочку от картонок. Открыла. Усыпанное бриллиантами колечко причудливой и изящной формы сияло благородным светом. Елизавета Андреевна вздохнула с надрывом и, безвольно опустив в сумку раскрытый футляр, спрятала лицо в ладонях. То ли намеренно сделал Дима такой подарок, то ли просто забыл: неизвестно, что хуже. Но подарил он кольцо. Именно то, чего Лиза никогда не могла носить. Браслеты, серьги, кулоны, ожерелья – все это она любила. А вот кольца вызывали резкую идиосинкразию: слишком чувствительной и тонкой была кожа между пальцев, и, надев кольцо, Лиза ощущала себя так, будто оно впивается в кости, причиняя сильную боль. В свое время Дмитрий Львович прекрасно об этом знал. Никогда не делал подобных подарков. И даже спокойно относился к тому, что обручальное кольцо в их семье носит он один. Лиза взяла телефон и набрала номер Димы. Он ответил моментально. Будто специально сидел с телефоном в руках и ждал ее звонка.

– Спасибо, – сказала она печально. – Красивое кольцо.

– Я рад, что тебе понравилось. – По телефону было слышно, как Дмитрий Львович удовлетворенно улыбается в трубку. На интонации жены он внимания не обратил.

– Я его Машке отдам, – Лиза вздохнула. – Ей пойдет.

– Ну, как знаешь, – Дмитрий Львович обиделся на такой поворот. Причин его он не понял.

– Целую, – сказала Лиза и закрыла телефон. До самого вечера она пребывала в смятенном состоянии. Без конца обнимала и целовала своих дочурок, словно искала в них утешения и утраченной любви. Говорила им, какие они красивые и умные, какая у них замечательная семья и какой хороший папа. «Папу нужно жалеть, – зачем-то добавила она, – потому что у него трудная жизнь».

Время шло. Дмитрий Львович непрерывно настаивал на серьезном отношении «к своему здоровью». Лиза, устав сражаться с мужем и находиться в состоянии вечного сопротивления, начала по три раза в неделю ездить к Виктору на сеансы психотерапии. Дмитрий сиял. Жена успокоилась и стала смотреть на вещи другими глазами. Смирилась с Машиным отъездом, научилась, как ей казалось, со спокойным безразличием относиться к мужу. Виктор говорил, что дела идут на поправку, и упорно предлагал Лизе съездить для полноты эффекта к морю. А еще лучше, если обстоятельства позволяют, вообще навсегда сменить климат на более мягкий. Он даже с Дмитрием Львовичем на эту тему при Лизе советовался. Дмитрий промолчал, но Лиза заметила, что в глубине его глаз засиял довольный огонек. Елизавета Андреевна активно протестовала, ссылаясь на детей, школу и прочие жизненно важные и возможные только в Москве дела.

Прошел Новый год. Приближалась весна. Дмитрий постепенно перешел в наступление и в один голос с Виктором уговаривал Лизу переехать на Кипр. Хотя бы попробовать – пожить полгодика, посмотреть, что и как. Разумеется, вместе с Сашенькой. Там и школа приличная есть, и климат для ребенка идеальный. А Дима будет постоянно прилетать. Лиза отбивалась, пока это было возможно. Но оба – и муж, и психотерапевт – насели на нее так, что она потеряла контроль над ситуацией. И перестала сопротивляться. Так и быть, она полетит, но только при условии, что если что-то вдруг не так – сразу вернется! Дима сказал: «Ну, конечно, дорогая». И, кажется, даже засиял от счастья.

Наступил июнь. Маша сдала экзамены в школе, отгремел шикарный выпускной вечер, на котором она выглядела, как принцесса. Дмитрий Львович раздувался, глядя на нее, от гордости, а Лиза все время украдкой утирала слезы. Не верилось, что ее дочка – малышка – уже окончила школу и стала взрослой. После выпускного Маша засела за учебники: как бы то ни было, а поступать в Кембридж было страшновато. Очень не хотелось ударить в грязь лицом перед иностранцами – будущими преподавателями и однокурсниками, хотя вопрос, разумеется, был и так уже решен. Лизе в Москве после Машиного выпускного делать вроде стало нечего, и они с Сашенькой начали собирать чемоданы. На этот раз к делу подошли концептуально – собирались целую неделю. Но у Лизы все время было чувство, что она что-то забыла, хотя чемоданов уже скопилось порядочно, и она постоянно откладывала отъезд. В конце концов Дмитрий не выдержал. Велел своей секретарше заказать билеты на ближайшие выходные и, запихнув жену, дочь и чемоданы в машину, полетел с ними сам.

Лиза не испытывала никакой радости, вернувшись в свой кипрский дом. Ей не хотелось моря, пальм, понтийских греков и непривычной жизни. А от солнца первую неделю пребывания на Кипре ее вообще просто мутило. Зато Сашка чувствовала себя прекрасно – снова нашла прошлогодних подруг и носилась где-то целыми днями. Благо Кипр – не Москва. Здесь можно спокойно отпустить ребенка из дому и не бояться, что украдут, изнасилуют, убьют. Лишь бы детеныш был ответственный и понимал, что некоторых вещей без спросу делать нельзя. Сашка все прекрасно понимала. Поэтому первую неделю, которую Лиза, как и в прошлый раз, провалялась в постели, она на море не ходила и довольствовалась бассейном во дворе. И еще бассейном у Даши, и у Ксении, и у Стеллы, а иногда – у Сережи. Под присмотром Лизиной домработницы, взявшей на себя добровольно функции няни.

Потом Лиза поправилась и решила, вслед за дочкой, познакомиться с местным русским обществом поближе. Ходить далеко не пришлось – весь их поселок, состоящий из однотипных белых домиков, правда, с разной планировкой внутри, был выкуплен москвичами. Лиза познакомилась с мамой Даши и узнала, что они с дочерью живут здесь уже три года. Дашка ходит в Международную школу. Мужчиной в их доме и не пахло. Спрашивать Лиза постеснялась. Да и что тут такого – тоже небось, как ее Дмитрий Львович, изо всех сил зарабатывает деньги. Иногда Лиза думала, что было бы хорошо, если б Дима мог уже остановиться – тогда будет время и силы все в их отношениях исправить. Ну куда им еще деньги. Все есть. Даже детям и

внукам хватит. А вот нормальной жизни нет. Но Дмитрий Львович, похоже, относился к тому типу мужчин, которые будут работать, пока ноги держат. На Лизину беду. Не потому что он жадный – нет. Просто потому, что в компании заключены его цель и смысл. Так же как Лизины – в детях. Тоже своего рода пленник башни из слоновой кости.

Ксюша жила на Кипре с бабушкой – Еленой Владимировной. Ни мамы, ни папы поблизости не наблюдалось. У Стеллы была мама и двухгодовалый братик. Папа, как выяснила Лиза у Саши, появлялся раз в два месяца – не чаще. До Сережиного дома Лиза не дошла. Как-то тоскливо стало в этом бабьем царстве, и она боялась напороться на очередную схему «мама на Кипре воспитывает детей, папа работает в Москве». Постепенно новые приятельницы и сами стали появляться у Лизы дома – поболтать, чаю вместе попить или пригласить прогуляться куда-нибудь. Странно, но на Кипре, в отличие от Москвы, Лиза была не против пообщаться с соседками. А что еще тут делать? Все дни как один: солнечные, жаркие, бездельные и бессмысленные. Говорили, что, когда начнется школа, станет получше, и жизнь обретет хоть какой-то график, форму и смысл. Пока же дни тянулись медленно, неповоротливо и лениво.

В один из дней, похожих друг на друга как две капли воды, Лиза лежала на диване в своей гостиной и читала местную газетенку «Время Пафоса» на английском языке. Честно говоря, ее уже тошнило от однообразных статей на тему «какая у Кипра замечательная история», «какие здесь обалденные климат и море», «как здорово здесь можно жить» и, наконец, дорогие мистеры и миссис, «какая здесь дешевая и хорошая недвижимость!». По всему выходило, что Кипр – просто врожденная мечта любого нормального и здорового на голову человека. Плевать, что здесь все в десять раз дороже, чем в Москве. Не важно, что позволить себе эту жизнь может по большому счету только англичанин – в силу дороговизны своей собственной страны, – да и то не всякий. Но уж он-то просто обязан сюда переселиться. Потому что, кроме как на Кипре, англичанин счастлив не будет нигде. Все. Точка. Лиза разозлилась и зашвырнула газету за диван. В этот момент в дверь постучали. Сквозь стекло в двери Лиза увидела Елену Владимировну, которая скромно топталась на пороге. Лиза замахала рукой и крикнула: «Заходите!» Елена Владимировна вошла. Двери здесь не запирали. В существование на Кипре преступности не верил никто – попробуй обворуй какой-нибудь дом, а потом спрячься со всем этим добром на крохотном островке. Нереально. Тут же найдут. Особенно если попытаешься с этого самого острова бежать.

– Здравствуйте, Елена Владимировна. Что ж вы так скромно? Знаете ведь – не закрыто. В следующий раз заходите, и все, – Лиза говорила, жестами приглашая пожилую даму пройти и присесть на диван. Елена Владимировна пришла с гостинцем – половинкой яблочного пирога. Сама пекла.

– Ну, мало ли, Лизонька. Вдруг муж твой приехал. Помешаю. – Она водрузила пирог на журнальный столик и извиняющимся тоном произнесла: – Прости, что я так. Без приглашения. Хотела попросить, нет ли у тебя чего-нибудь почитать. А то скука смертная. Все, что дочь в последний раз привозила, я уже давно прочла.

Лиза задумалась, что предложить. Книг она привезла немало – сама любила читать, только, скорее всего, у нее и у пожилой дамы были совершенно разные вкусы.

– Вы знаете что, посмотрите сами вот здесь, на стеллаже. Что понравится, то и возьмите.

Елена Владимировна встала и подошла к полкам с книгами. Она смотрела на них жадными голодными глазами – на такое счастье она и надеяться не могла. В основном в поселке читали мало: у кого дети маленькие – времени нет, у кого интересы другие. И все, что можно было у соседей добыть, она уже давно добыла и прочитала. Елена Владимировна долго наслаждалась видом чистых твердых корешков, потом выбрала несколько книг – пухлый том стихов Есенина и «Повести» Тургенева. Лиза это для Саши привезла. Надеялась, что та за лето прочитает. Но дочка пока все больше по подругам бегала и знакомиться с русской литературой в ближайшее время похоже, не собиралась.

– Можно? – робко спросила Елена Владимировна.

– Да конечно! – Лиза ободряюще улыбнулась. – Берите еще.

– Нет-нет, спасибо. Я лучше, когда эти верну, если можно...

– Ну, хорошо. – Лиза крикнула домработницу и попросила сделать чай. – Вы присаживайтесь, – обернулась она к Елене Владимировне, – мы с вами чаю сейчас попьем. М-м-м, а пирог какой чудесный! Неужели сами пекли?

– Сама, – просто ответила Ксюшина бабушка.

– Я вообще-то раньше тоже пекла, мне это нравится. – Лиза присела рядом с гостьей на диван. – Может, и теперь надо заняться. Хоть какое-то дело. – Но потом Лиза вспомнила, что в ее здешней бутафорской плите нет даже духовки. Вместо нее встроена посудомоечная машина. И вздохнула с облегчением. Честно говоря, с пирогами она теперь, после многолетнего опыта жизни с домработницами и кухарками, уже вряд ли бы справилась.

После пирогов зашел разговор о жизни, о детях, о мужьях. Елена Владимировна поинтересовалась, когда Лиза возвращается в Москву – к началу учебного года или задержится здесь еще немного. Лучше задержаться – в сентябре тут очень хорошо, да и жалко им, аборигенам, такое приятное общество терять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.